Ида Бариева

История магов

1.1. Рожденная Огненной

Ида Бариева

История магов. Книга 1.1. Рожденная Огненной

Серия «История магов», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72662431
История магов 1.1. Рожденная Огненной:
ISBN 978-5-00217-588-8

Аннотация

Знаете ли вы, как сложна жизнь в фантастическом мире Магх? Магические кланы ведут кровопролитные войны и делят между собой планеты. Светлые маги сражаются с некромантами и злыми колдунами. Обычным людям только и остаётся, что приспосабливаться к жестокой воле волшебников.

Такой порядок вещей не слишком-то нравится семнадцатой дочери из семейства Огненных. Девочка по имени Шогни Оуэнн выглядит как все её родичи – рыжая, мускулистая, с острыми клыками. Но юной магнессе неуютно в мрачном отцовском замке. Магические науки её не привлекают. Гораздо больше Шогни нравится общаться с людьми, изучать боевые искусства, танцевать. Она влюбляется в простого парня, и уже готова навсегда остаться с ним в мире людей…

Но могущественные силы втягивают магнессу в водоворот удивительных событий. Сначала её объявляют наследницей

древнего рода, затем хотят выдать замуж за родного брата. Спасая родовую магическую книгу, Шогни бежит из замка сурового отца. Отчаянная девушка скрывается, странствует, участвует в войне против магов смерти…

Сумеет ли Шогни сохранить заветную книгу? Удастся ли её друзьям спасти магический мир? Об этом расскажет повесть, полная искромётного юмора и захватывающих приключений.

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Я считаю дни 7
Глава 2. Что с замком Огненных? 41
Глава 3. Почти избранная 69
Глава 4. Что бывает, если сдаться без боя 94
Конец ознакомительного фрагмента. 98

Ида Бариева
История магов 1.1
Рожденная Огненной

© Бариева И.
© Редактор: Сотникова Анастасия
Издательство «Эдитус», 2025

* * *

Предисловие

Место действия: четвертый мир, сменивший на посту ведущего мир третий, похожий на наш до степени смешения. Время действия: после первого отката истории в нем, то есть отсчет времени и жизней снова идет с нуля. Подробности: повесть «Миф об Иваре».

Действующие лица: большей частью маги. Только маги четвертого мира – не люди с волшебными палочками. Это следующий виток эволюции человека. Похожи… но насколько? Магия здесь – нечто на стыке искусства, науки и владения собой. Ей учатся около пятисот лет (и то лишь базовый курс).

Главная героиня – Шогни Оуэнн, из рода магов огня, Огненных.

Приятного прочтения, валерьянка при необходимости не помешает.

Глава 1. Я считаю дни

Я считаю дни. Каждый день, который я прожила – и дожила до вечера. Но однажды все изменится, и я до него доберусь! И тогда я…

Мой меч глухо звякнул о гладкую броню черной твари-призрака, но той удалось перехватить его зубами! Меч был съеден в одно мгновение. Магия моя! Глаза раскрыть пошире, а то считать дни будет некому!

Дом, что мы обороняли, защищали от нападавших лишь крепкие прутья металлической ограды. Было темно, вечер, да еще из туч накрапывал дождь. Мы сражались в неверном свете забранных решетками окон. Сквозь прутья на нас, группу магов-фехтовальщиков, бездумно, жадно лезли черные тела магических существ. Скользкие, многоголовые, когтистые, клыкастые – словно собранные из ночных кошмаров. Их было много: сотни, тысячи, а нас – жалкие восемьдесят четыре, и магией пользоваться мы здесь не могли.

Но мы были – маги. Мы сильнее и выносливее людей. Мы обязаны их защищать.

Я брезгливо дернула головой, уворачиваясь от отрубленного пальца темного фехтовальщика с той стороны. Он тоже был «тварь», враг, противник – тот, кого надо убить. Одним рывком вытерла со лба выступивший в сражении пот. Поморщилась и метнулась за спины магов в поисках оружия.

Ай, обратить твою магию! Мне сделал подножку кто-то из своих, и я плюхнулась прямо в лужу.

– Эй, вставай, пятнистая! – заржал некто над ухом.

– Эй, ложись, обратнутый! – огрызнулась я, выплюнула солоноватую воду и рывком встала.

Тень бы побрала мою магию, слабая и еще страшная – серая, в пятнах. И ведь это магия! Ее глиной не замажешь и маску на нее не нацепишь! Могла бы – убила бы болтливых гадов. Но не могла, ведь я самая младшая и потому слабая магнесса в роду магов огня. Шогни. Шогни Огненная. Мускулистая, широкоплечая, со светло-рыжими волосами и – в кожаных доспехах. И с пятнистой, айкромен ее дери, магией. Айкромен, тень, обратить, обратнутый, нокх, шкарпи – этим и всем прочим ругались, а «пятнистой» дразнились. И ножки подставляли. Я ухмыльнулась. Жаль, ножки не в моем вкусе. Что за магия? А, жесткая темно-желтая. Маг ветра. У них весь род такой. Не важно… Оружие! Мне нужно оружие!

Я завертелась в поисках чего-то подходящего, и взгляд застыл.

Вот он. Тот, ради которого я живу и считаю дни. Дни, что остались, пока я его не убью. Мой враг. Из-за него я здесь. Это долгая история.

– Не трогай этот меч, девочка, он очень острый, – произнес мягким басом высокий бородатый мужчина в фартуке. И громко опустил молот на наковальню.

Как сейчас помню тот момент. Мое первое знакомство с людьми. Мне было тогда двенадцать лет. И в свои двенадцать лет я уже была мастером по выживанию в замке Огненных. Умела вжиматься в стены и вовремя сворачивать в переплетение многочисленных боковых коридоров, чтобы не попасться на глаза старшим магам. Умела прятаться в тени там, куда не долетали всполохи из огненных колодцев. Умела быстро хватать еду и сбегать из общей столовой. Умела вовремя взбираться на ближайшее возвышение, когда из колодцев поднималась лава. Умела мгновенно отращивать клыки, когда нужно… Умела выносить этот вездесущий запах дыма, который преследовал меня и днем, и ночью…

Главное было – помнить, что я – не человек. Я из рода Огненных, магов огня, а мы, маги, – не люди. У нас два тела – физическое в физическом пространстве и магическое, магх-тело, в магическом. Мы можем больше и живем дольше. И зубами скрипим громче. Наверно.

В общем, я – не человек. А мне с детства было интересно – каковы они, эти люди, на самом деле.

В замке Огненных – огромном бесформенном строении с лабиринтом коридоров и множеством башен, которые торчат, словно иглы на еже, – были, конечно, люди. Но какие-то они… дерганые. У них вечно испуганное выражение лица, у многих дергаются щеки. И стоило мне пробовать заговорить с кем-то, как слышала скороговоркой ответ на вопрос… и потом они сбегали. А мне хотелось просто поговорить по ду-

шам, понять… понять, каково это – быть человеком?

И еще в моей огрубевшей детской душе жила надежда, что, может, люди научат меня фехтованию. А то моей магией даже отпор всяким гадам дать нельзя!

Пятнистая! Звучит ужасно, а выглядит еще хуже.

Стояло жаркое засушливое лето, а я была лишь в легком трико из тонкого хлопка. Тоненькая, по-взрослому серьезная и внимательно разглядывающая все вокруг. В небесах красовался Великий Разлом с магх-сферой чуть левее солнца. Но тут ничего особенного. Все знают, что когда-то концентрация магии расколола небеса повсюду, обнажив магх-сферу, средоточие магии. Ерунда, горит иногда едва заметно красным вверху и горит. А вообще обычно небо выглядит целеньким. Вот что меня занимало гораздо больше – это деревня. В ней было домов тридцать, основательных, внизу – каменных, а вверху – бревенчатых, с узорчатыми ставнями и соломенными крышами. Основная масса людей трудилась на зеленых полях рнисса (рниссовый хлеб – вкусный!), репы и капусты за пределами деревни. И еще я с другой стороны видела пастуха со стадом рыжих коров и двумя лошадьми. Но и в деревне были люди. Смеясь бегали маленькие чумазые ребятишки, две женщины развешивали белье для просушки, одна девчушка в пестром платьице гналась за хохлатой курицей прямо по дороге меж домами… Ну и занимался своим делом кузнец, к которому я и полезла за мечом.

– Ты ведь не местная, малышка, – утвердительно произнес он, откладывая молот в сторону и разворачиваясь ко мне всем потным, пышущим здоровьем телом. – Откуда же ты у нас такая взялась? Как тебя зовут? И где твои родители?

Мама умерла, а отец, глава Огненных, сейчас на собрании Совета верховных магов, что управляет всеми объединенными магическими землями вокруг. И если у тебя есть мозги, ты должен бояться моего отца, моих братьев, сестер, прочих родственников, меня и, на всякий случай, звука наших имен тоже.

Сказать так? Нет?

При одном воспоминании об отце по телу пробежала судорога страха, щека дернулась в нервном тике, и на лбу проступила испарина. Дыхание участилось, и сердце застучало прямо в висках. Ничего, это нормально. Страх младших магов огня перед старшими, а уж тем более – перед верховным, главой нашего рода Оуэннов, «вживлен» с детства. Горько, больно, жутко. Он разливается по телу вместе с кровью, исходя из самого сердца. Сердце – средоточие магии.

– Что молчишь? Боишься меня? – человек присел на корточки так, что его лицо оказалось прямо напротив моего. – Ты не бойся, я тебя не обижу.

Я неловко растянула губы в попытке улыбнуться.

Улыбаться я не умела еще с детства и, как сейчас помню, перед посещением этой деревни долго училась. Стояла перед зеркалом в комнате прислуги и держала перед собой

книжку, где была нарисована улыбающаяся женщина. Ну и пыталась растянуть губы так же. Сначала было очень непривычное такое ощущение, еще от улыбки у меня чуть подрагивали мышцы щек. Они всей своей массой наваливались на уголки губ. Мышцы быстро уставали, но я продолжала пытаться. И была уверена, что научилась, но…

– У тебя болят зубы? – озабоченно произнес кузнец. – Ты так морщишься.

– Это я пытаюсь улыбнуться, – буркнула я и в раздражении пнула увесистый камень, лежавший рядом с ногой.

Ай-яй-яй! Я подняла ногу вверх и сжала ушибленный палец рукой. Больно! Камень от моего удара покатился по дороге, вспугнув откормленную серую кошку, а я надулась. Вот так вот. Училась, училась – все без толку! Вот я дорри! То есть я, конечно, не дорри, не серый послушник с мозгами гибрида попугая и головастика. Но я ведь так старалась!

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – тут же пробасил кузнец и протянул мне руку ладонью вверх.

Я дернулась в сторону. Удар? Опасность? Атака? У магов раскрытые ладони – это один из основных способов передачи магической энергии. В розовых мечтах – энергии лечения. А так обычно получаешь заряд, который обжигает, возит по полу, переворачивает вверх тормашками… и проделывает прочие милые «приятности» от добрых родственников.

– Да что с тобой такое? – вскинул брови человек.

Я дерганая по праву рождения. Ладно, это тоже не стоит говорить. Инстинкты я волевым усилием запихнула на задворки сознания – ведь это человек. У людей с раскрытых ладоней никакая магия не появится. Дыхание стало понемногу выравниваться. Меня просто спутали с человеческим ребенком.

– Простите, я вас не боюсь, просто я раньше не разговаривала с людьми вот так… запросто, – выдавила из себя я.

– Не разговаривала с людьми? – кустистые брови кузнеца взлетели вверх. – Откуда же ты, девочка? Архимаг великий…

Дошло, наконец.

– И я не человек, – припечатала я. – Я – Огненная.

На этот раз отпрянул уже мой собеседник. В его глазах тоже зажегся страх. К нему-то я уже была привычная еще в нашем родовом замке. Но мне не хотелось врать и притворяться кем-то другим. Я не человек. Так получилось. Извините.

– Зачем… зачем же ты пришла к нам? – напряженным голосом произнес кузнец. – В нашей деревне все вовремя сдают подати. И никто и в мыслях не имел оскорблять магов или что-то в этом роде.

– Научите меня защищаться! – подняла я взгляд на него. Просительно тронула рукой рукоять лежащего на наковальне меча и добавила. – Пожалуйста.

– Он слишком тяжел для тебя, девочка, – покачал головой человек. – Ты…

Тяжел? Для меня? Ха, да мне же целых двенадцать лет! Я фыркнула, обеими руками подняла меч и, поднапрягшись, выставила его перед собой. Потные ладошки вцепились в металлическую рукоять, и детские пальчики побелели от натуги. Да, было тяжеловато, но я его держала! С детства моя магия оставляла желать лучшего, так что приходилось компенсировать это сильными руками и крепкими клыками. Против старших магов это, конечно, ничто, смех один. Но вот против некоторых младших, среди которых я жила…

Оскалив зубы (ну, то есть клыки), я резко рубанула воздух мечом. В левой руке что-то тоненько екнуло, но в остальном получилось, кажется, неплохо. Кузнец же теперь смотрел на мое лицо чуть ли не с ужасом. Я смущенно спрятала клыки.

– Простите, они как-то сами отрастают, – пролепетала я, устало опуская меч острием в землю и ладонями ощущая всю твердость рукояти. – Там, где я живу, важно уметь защищать себя всем, чем можно. Клыками, руками, ногами – и вообще чем придется.

А дядя кузнец был все-таки прав, меч тяжеловат. Но врожденное упрямство не давало мне это признать. Я стиснула зубы, напряглась и взмахнула мечом еще пару раз. Тяжело, но зато каково это ощущение! Чувство защищенности, которое давал меч, было непередаваемым. Конечно, против сильной огненной магии это ничто. Но против слабых магов – еще посмотрим, кто кого! Всем отрежу все лишнее! Догоню и еще раз отрежу!

Человек долго молчал, а потом…

– Ты неправильно держишь, – сдался он. – Давай покажу, как надо.

Да, так все и было. По крайней мере, так я это помню, хотя на самом деле детали могут и отличаться. Как давно это было… С той знаменательной встречи я росла не совсем обычной Огненной. Я росла среди людей, куда сбегала из замка, наплевав на начальную школу магов. Отец, узнай он об этом, был бы в ярости. Но он – верховный маг, а я у него была семнадцатая дочь, и до меня у него в ту пору просто руки не доходили.

И слава магии.

В деревне я научилась играть. Правда, не совсем по-детски. Я играла с огнем. Потому что несмотря на ненависть ко всем прочим Огненным, огонь приводил меня в бешеный восторг. О, эти всполохи, жар, движение, мощь, энергия! Моей самой любимой игрой было выложить сухими веточками и пухом с окрестных деревьев узкую полоску, а потом поджечь ее с одного края. Пламя весело бежало по полоске, и я, побежав вместе с другими детьми вслед за огоньком, всегда загадывала: добежит оно до конца или погаснет по дороге. Еще я играла сама с собой в «огонь-сожги» камешками с зажженными костерками на них. Обжигалась о нагретый камень, пальцы горели, наливались пузырями, но я упорно продолжала свое нехитрое увеселение. И разумеется, я любила зажигать магическим огнивом большие кост-

ры всюду. Совсем всюду, куда дотягивалась, чем порой вызывала ругань (очень познавательную) и упреки со стороны взрослых. А став постарше, я выучилась жонглировать горящими факелами. От этого внутри все содрогалось, вскипало и сладко сжималось, словно это была не ловкость рук, а настоящая магия. Посмотреть на меня в такие моменты собирались все, кто не был занят делом. А порой даже занятые прерывали свои дела, чтобы посмотреть, как девочка играет с огнем…

В общем, кровь играла. Огненная кровь. Мозгов тогда не было, а взрослые люди не решались меня наказывать и только ругали на все корки. А я злилась даже на это, сама ругалась в четыре слоя, скалила клыки, в глазах загорался огонь, угрожающе размахивала опасными на вид предметами в пределах доступа… Как картинка? Я прелесть, правда?

Хотя я потом искренне извинялась, да и вреда никому не причиняла. А люди качали головой: как я не сожгла себя заживо от всех этих игр? Как, как… Архимаг его знает, как! Если только этому мифическому покровителю всех людей, дорри и магов, который всех нас любит, было до меня какое-то дело…

– Когда-то давным-давно, на заре времен, магии не было. Совсем. Понимаю, вам странно такое представить, – старик улыбнулся, когда мы, собравшиеся вокруг него кружком подростки, выпучили глаза.

Я опять сбежала из школы, сидела в большом доме в де-

ревне людей и слушала истории. Магии когда-то не было? Такое возможно?

– Разве жизнь без магии возможна? – выпалила я и скрестила руки на груди.

В комнате матово горели магические светильники, в камине полыхал жаркий магический огонь, которым торговали мои родичи. Основание дома было сделано из огнеупорного камня, который преобразовали маги земли. Одежда на нас была соткана на магических ткацких станках от магов воды. Рниссовый хлеб, бринина, искровый мед, сладкое густое молоко на столе – приготовлены из того, что вывели маги природы. Кстати, продукты из рнисса, который предотвращал и лечил от древней болезни – рака, вообще хоть раз в неделю ели все. Даже мы, маги. Нам про необходимость его вкушать все уши прожужжали. Я вертела головой, и взгляд цеплялся за многочисленные проявления магии. Да быть не может, чтобы можно было жить без нее!

– Возможно, – кивнул старик. – Однако как жили тогда люди без магии, история умалчивает, но древние легенды утверждают, что жили. Да и люди были в то время совсем другие. Легенды гласят, что тогда лучше всего жилось не тому, кто сам лучше, а тому, кто более жаден, хитер и изворотлив. И вот те люди придумали, как забирать для себя энергию самого солнца. Время шло. Аппетиты росли, энергии забирали все больше, и солнце не выдержало – оно стало умирать от истощения. Тогда люди построили прекрасные

серебристые корабли, способные летать меж звезд и увезти их к другому солнцу. Люди забрали с собой все самое необходимое и отправились искать себе во тьме новый дом.

Но места на новых прекрасных кораблях на всех не хватило. Они оставили у умирающего солнца тех, кого посчитали обузой в своем долгом и трудном путешествии. Они оставили стариков, тяжело больных, безнадежных калек и слабых женщин и детей. Да и просто обычных людей, которые не выделялись особыми талантами.

Но именно они, жалкие, слабые, обреченные улетевшими сородичами на смерть – не умерли. Именно среди них воспылала надежда. Среди тех, кто остался там, где уже, казалось, не осталось ничего, кроме отчаяния и смерти. Где, казалось, была невозможна жизнь. Среди них зародились первые маги – маги солнечного света, Солнечные. Их магия родилась из сочувствия – сочувствия умирающему солнцу. Потому что те, кто остался, сами знали, каково это – быть старым, ослабевшим, никому не нужным и больным. Ощутив в себе магическую силу, первые маги совершили невозможное – они возродили свое солнце, и это было началом начал! Но магия такого масштаба не прошла бесследно – небо раскололось, и вверху появился Великий Разлом. Иногда его даже видно нашими, обычными, глазами. Сквозь него ровно над головой, где бы ни находился человек или маг, видна магх-сфера. Она – средоточие магии, что связывает физическое и магическое пространство воедино. Древние маги придумали новое на-

звание новому миру – мир магх – в честь того, что дает им жизнь. А мы, люди, теперь называем его еще миром объединенных магических земель.

Маги выстроили зачарованные замки, вырастили из земли новые каменные дома, добыли новую пищу и воду. И подвергли остракизму все наследство, оставленное им теми, кто бросил их умирать. Даже само время принялись измерять не в секундах, а в биениях сердца. Потому что сердце, а не разум – средоточие магии.

Древние Халецкие, маги природы, вывели людям в помощь магических животных: драконов, единорогов, фениксов, грифонов, морских змей и прочих. И главное – вывели звездных амерунов – магических лошадей, способных летать меж звезд. Так маги и люди расселились по всей Вселенной, неся с собой любовь, магию и следующий за ней Великий Разлом. Они обходили стороной лишь одно место – то, что выбрали для себя те, кто улетел, бросив их у умирающего солнца. Это была эпоха великого расселения, эпоха удивительных магических открытий и добрых свершений.

Старик на какое-то время замолчал. Обвел взглядом нас. Я, не отрывая зачарованных глаз от рассказчика, только хрустнула в тишине мясным печеньем из крольчатины. А он продолжил.

Меж тем Солнечные и Халецкие начали дробиться на разные магическое рода. На магов огня и земли, на магов ветра и воздуха, на магов перемещения и многих других. Начались

недомолвки и распри, мир затрещал по швам.

И в это непростое время те, кто улетел, сами нашли тех, кто остался. Увы, они тоже породили магов. Но не светлых Солнечных, а зловещих магов тени, некромантов, магов времени и прочих темных. Они, чья магия подпитывалась честолюбивыми мечтами первых людей, способных бросить «недостойных» умирать, появились в жестокости. И не гнушались охотами на людей, жестокими играми с ними, убийствами, изнасилованиями, пытками и издевательствами. Великий Разлом не миновал и их мир, хотя там он горел не светлым золотистым светом, а призрачным зеленым. И магх-сфера в нем напоминала язву.

Маги тени, кому закон не был писан, напали на первую планету Солнечных. И это стало началом кровопролитных магических войн. Войн всех против всех. Ибо, прикрываясь враждой Солнечных и магов тени, прочие маги начали свои войны. Стремились отвоевать себе земли, добро и, главное, – людей.

Древние легенды с ужасом замолкают, когда нужно рассказывать о том, что творилось далее. Упоминаются лишь несчитанные человеческие и магические жертвы. Магические животные, истребленные практически полностью, потому что из них была выпита вся магия. Разрушенные города и заброшенные земли…

Никто не победил.

Но все же на многочисленных трупах людей и магов, у по-

тухших глаз мертвых драконов и единорогов было заключено соглашение о невмешательстве. Согласно ему каждый магический род получал по одной планете из конгломерата планет, которые еще держались после всех войн. На своей планете он был волен делать все, что ему заблагорассудится. Но с тем условием, что люди могут свободно выбирать, на чьей планете жить.

– То есть мы можем покинуть земли Огненных, деда? – жалобным тоном спросил у старика подросток с веснушками, усыпавшими все лицо, и глазами цвета неба после дождя.

Тот бросил на меня опасливый взгляд.

– Д-да, – запнувшись ответил он. – Конечно. Но… – он опять посмотрел на меня. – Это же наш дом! Мы тут родились, выросли, тут похоронены наши предки. Мы тут всех знаем из людей. А что ждет нас в других землях?

– Свобода!

– Не бояться вздохнуть лишний раз!

– Поддержка магов!

Подростки говорили взахлеб, с горящими глазами, с лицами, преисполненными надежды. А я молчала. Может, люди и вольны выбирать свой дом, а вот маги привязаны к своим землям намертво…

– Цыц! – окрикнул зарвавшихся подростков старик. – Слушайте лучше дальше!

Усилиями всех магов конгломерат планет, включая также некоторые выжившие нейтральные планеты, был объединен

в единую карту. По нему между планетами можно было передвигаться пешком, верхом или на обычном корабле. Находясь на стыке карт, человеку или магу надо было лишь пожелать оказаться на соседней планете, и этого было достаточно для перемещения. Над единой картой венцом воссиял являющийся иногда Великий Разлом. В его центре застыла магх-сфера: в каждых землях – своего цвета. Но везде, где жили светлые маги, – прекрасная и загадочная. Люди, ложась спать, смотрели вверх. Видели иногда ее сияющий лик и гадали, что еще пошлет им завтра магия. Иногда ночами, когда накануне творили магию верховные маги, от магх-сферы в полнеба растекалось радужное сияние, а вниз сыпались звезды. А раз в двести-пятьсот дней, в зависимости от количества творимой магии, магх-сфера разгоралась ярче солнца, и наступала Ночь Магх, огибающая всю планету, где эта магия творилась. В Ночь Магх все переполнялось магией. Зачарованные предметы сходили с ума: магические факелы и светильники то пронзительно сияли, то потухали; магический душ брызгал странно пахнущей и иногда ядовитой водой во все стороны; магические печи то готовили необычайного вкуса блюда, то жарили отраву… Из неживых предметов выходили призраки, которые принимали образы людей. Они устраивали дикие пляски, соблазняли мужчин и женщин, пугали детей и животных. И кто-то, ушедший к призракам в ту ночь, не возвращался назад. А потом Ночь Магх заканчивалась, магх-сфера тускнела, Великий Разлом стано-

вился невидимым, и все возвращалось в норму.

Таким было начало объединенных магических земель, мира магх.

– Вот чего я до конца не понимаю, так это про средоточие, – я упрямо помотала головой, чтобы перестать слушать бесполезные человеческие байки. – То средоточием магии является сердце, то магх-сфера.

– Странно, что ты этого не знаешь. Ведь ты сама магнесса, – старик укоризненно покачал головой. – Сердце мага – средоточие магии для него, магх-сфера – средоточие магии всех магов на планете, ее порождают обитающие на планете маги и… сама магия заключена в ней, и нисходит на жителей планеты. Что такое планета, ты знаешь?

– Знаю, – отмахнулась я и нахмурилась. – Выходит, небо раскололи маги?

– Небо расколол избыток магии. Земли вообще пропитываются магией населяющих их магов. Ты же знаешь, в землях Огненных клокочет лава и часты пожары, в землях Водяных почти вся поверхность занята океанами, по которым рассыпаны плавучие города и деревни, а земли магов воздуха славятся огромными парящими в небесах островами – и отсутствием земли как таковой. В землях Солнечных всегда светло, потому что там два солнца, в землях магов тени вечная тьма. А в землях магов смирения совсем нет агрессивных насекомых и хищников, и мясо не усваивается никаким организмом. Каждые земли уникальны, но везде закон един:

человек волен жить там, где сам посчитает нужным.

– Но почему вы тогда живете у нас? – не выдержала и уподобилась другим подросткам я. – Вы можете уйти! А я – нет, – последнее я произнесла сквозь стиснутые зубы. – Магам запрещено покидать земли своего магического рода! Но людям – можно!

Старик замялся, посмотрел на потолок, потом опять на меня. Я раздраженно закатила глаза. Похоже, с магами на такие темы не разговаривают.

– Мы тут родились, это наш дом, – наконец невнятно повторился он.

Я посмотрела на испарину у него на лбу, на вытянувшееся морщинистое лицо и больше не стала задавать вопросов.

На этом с легендами было покончено. Все разошлись по своим домам. А я отправилась в замок Огненных. Но это не дом. Это просто место, где спят и боятся.

На самом деле не то, чтобы все мое пребывание в деревне было совсем безоблачным. Были и стычки, и попытки насмешек, обычно со стороны сверстников. Но вид вырастающих клыков или выхваченного меча быстро вправлял мозги. А взрослые люди тут были славные. Как мне однажды обмолвились – потому что иначе, поодиночке, тут было не выжить. Те, кто пытался думать и заботиться только о себе… не вписывались и либо уезжали в другие земли, либо… Тот, кто мне это поведал, на этой фразе испуганно зажал себе рот рукой и сказал мне забыть его слова.

Неужели это то, о чем я думаю? То, чем славятся Огненные… знаменитые огненные темницы? Говорят, когда-то у людей было верование, что плохие люди попадали после смерти в некое место, подобное нашим темницам. Это еще до того, как пришли Поднебесные с их верой в великого Архимага.

Я вздохнула, когда опять вспомнила про Поднебесных. Всем известно, что таким магом не обязательно рождаться. То есть у них не обязательно папа – маг и мама – магиня, как у всех. Поднебесным может стать любой, маг или человек, или, наверно, даже дорри. Но тень побери, как?! Вот бы мне так же! Я бы стала нормальной магнессой, а не пятнистой! И всем бы показала тогда!

Помотала головой. Чего и кому бы я показала? У Поднебесных своя миссия – защита объединенных магических земель от мертвых магов смерти. И защищают они как-то не клыками, мечом или боевой магией, а милосердием и добротой. Как они это делают? Я так не умею. Врезать кому-то – запросто, а вот как еще… – не понимаю.

Не понимаю, и, значит, не быть мне Поднебесной.

– Смотри, какое платье я для тебя сшила на твое шестнадцатилетие, – с улыбкой произнесла жена кузнеца, у которой я сейчас гостила и сидела за столом, болтая ногами. – Это подарок. Хочешь сейчас примерить?

– Платье? Для меня? – я невольно скривилась и тронула рукой перевязь для меча.

Меч мне давал на время тренировок кузнец. Он был не мой. В замке Огненных нет и не может быть ничего своего, все только общее. Вынести что-либо оттуда было чревато отжиганием всех несущих частей тела. Но меня этот меч более чем устраивал. Благодаря тренировкам в деревне я убедилась, что с мечом наперевес защищаться намного проще, чем одними клыками и руками-ногами. Правда, меч не всегда был под рукой. Таскала из общей оружейной в замке (с возвратом), но что уж тут поделать. В конце концов, не я придумала этот мир.

В домике, где я сидела, вкусно пахло деревом, сушеными травами, сваренной из репы и молочных зерен ах-ха кашей, жареным мясом и немного – кошками. Их у кузнеца с женой водилось целых три штуки: большая рыжая с круглыми желтыми глазами; изящная белая, спящая рядом на скамье, и поджарая трехцветная с таким отвратительным характером, что даже я опасалась к ней подходить. Сквозь окно в деревянной раме проникал приветливый солнечный свет.

Стояла ранняя осень, но было совсем не холодно. В землях Огненных никогда не бывает по-настоящему холодно. У нас очень жарко летом и лишь слегка прохладно зимой. Все благодаря тонкому слою магической лавы, клокочущей повсюду под землей и согревающей ее. Чтобы докопаться до него, было достаточно вырыть глубокую яму, а кое-где она сама вылезала на поверхность, обдавала жаром, растекалась по земле огненными реками – бр-р-р! Раз в пять-десять лет

наступает «сезон жара», земля просыпается, и лава начинает, подрагивая, вспарывать всякую поверхность и растекаться по ней жарким морем. И тогда – спасайся, кто может! Скот загоняют на специальные огражденные каменные настилы, люди прячутся в домах (все дома в землях Огненных внизу каменные) и замках, урожаи гибнут, дикие животные в страхе сбегаются на холмы и горы… Одни деревья, неподвижные монолиты с серой корой и корявыми ветвями, хмуро качают из земли магические соки. Говорят, они дают стволам и корням как-то пережить напасть. Живое такое дерево не горело и не боялось лавы. Хотя срубленное было совсем как обычное. Даже цвет под серой корой был светло-коричневый, «деревянный».

В свои шестнадцать лет я помнила один сезона жара, который длился четыре дня. Смотреть из бойницы на клокочущую у подножия замка лаву, которая грозилась поглотить собой все живое, – жутко: сердце сжималось, дышать горячим воздухом было больно и… Лучше не вспоминать. А еще почти каждое лето наступает сезон пожаров, которые скрепя сердце приходится тушить при помощи магии воды… Так и живем.

– Конечно, платье, – с нажимом на последнее слово сказала жена кузнеца. – Ты же девочка, в конце концов.

– Я не девочка, – мотнула головой я, без спроса беря руками зажаренную ножку курицы. – Я – Огненная.

В замке никто не занимался моим воспитанием. А дере-

венские слишком мне сочувствовали и вообще побаивались делать замечания. Им хватало моей реакции на попытки воспитывать меня, когда я играла с огнем.

– Ну хорошо, ты – огненная девочка, – рассмеялась жена кузнеца и шутливо прикоснулась пальцем к кончику моего носа. – Одень платье, пожалуйста, сделай мне приятное. Я долго его шила, старалась ради тебя. Уверена: ты будешь самая красивая на празднике.

– На каком празднике? – невнятно спросила я, вгрызаясь в ароматное мясо.

Горячий сок потек по моему лицу, и я слизнула его языком. Верная обычаям родного замка, где чем быстрее ешь добытую в общей столовой пищу, тем меньше шансов, что кто-то из моих драгоценных сородичей застанет тебя врасплох, я привыкла есть быстро, жадно и некрасиво. Но уши оставались безмолвными сторожами моей трапезы, по привычке прислушиваясь к малейшему шуму. До меня доносились мерные чавкающие звуки от магической прачки, стальные руки которой стирали в корыте белье. С улицы – детский смех и собачий лай. Где-то у окна жужжала муха, явно немаленькая. И совсем на грани слышимости было ровное здоровое дыхание жены кузнеца. Меня оно радовало – год назад она заболела редкой болезнью, багровым мором, заразилась где-то в городе. И вся деревня собирала магические деньги, амеруны, на услуги младшего мага лечения. Но сейчас все это было в прошлом. Маг, вылечив ее, сказал, что теперь

ее жизнь вне опасности. И добавил, что, возможно, она когда-нибудь станет серой послушницей, раз так чувствительна к этому чисто магическому заболеванию. Кузнец при этих словах передернулся и сказал, что это все глупости, магу кажется. Тот только пожал плечами и ушел.

– Мой муж узнал от слуг в замке, что тебе сегодня исполняется шестнадцать, и мы решили устроить для тебя праздник, – ответила жена кузнеца, пока я думала о ее здоровье. – Будет вся деревня, мы устроим танцы…

Я вздрогнула. Где танцы, там и музыка, а это слабое место многих магов, но особенно – Огненных. Хорошо подобранная мелодия, если долго ее слушать, может нас убить или свести с ума. Это нам вбивали в головы еще с колыбели.

– Не бойся, детка, музыка будет только безопасная для тебя, мы все нужное уточнили в городе, – добавила жена кузнеца.

– Я не детка, – ощерилась я. – Я давно взрослая!

Глазам стало жарко от полыхнувшего в них пламени. Я определенно прелесть, как и все Огненные – вспыльчивая, как пожар. Как местные меня терпели-то до тех пор, ума сейчас не приложу. Хорошо, что клыки в тот раз не отросли, а то она бы подумала, что я собираюсь ее покусать…

– Ну хорошо, взрослая, так ты примеришь платье? – невозмутимо ответила жена кузнеца.

Ее ровный тон меня успокоил. Шумно выдохнув воздух, я запихнула в рот последний кусочек курицы, облизала паль-

цы и кивнула. Ох уж мне эти люди! К шестнадцати годам я успела составить о них определенное мнение… Нет, вообще-то люди мне нравились, очень нравились. Они были такими славными, совсем не похожими на моих многочисленных родичей. Но в некоторых вещах я все же не могла их понять. Зачем мне, Огненной, одевать платье и праздновать шестнадцать лет? Людям-то понятно, но мне? Разве у такой, как я, может быть праздник? День рождения? У меня? Я Огненная!

Пока я предавалась подобным мыслям, жена кузнеца затеяла великую возню с примеркой; достала из сундука белое платье, расшитое красными и оранжевыми нитями, изображающими поющих птиц. Пышные рукава, как она сказала, должны были скрадывать мускулистые руки и широкие плечи, а просторная юбка – придавать женственные формы. При этих словах я фыркнула, но стащила с себя кожаные доспехи и платье одела. Жена кузнеца вытащила широкое зеркало, и я уставилась на свое отражение со сдержанным интересом. А что, могло быть и хуже. Наверно. Кому вообще какое дело до внешности? Вот магия… Я не только Огненная, я еще и пятнистая, тень побери!

– Ты чудесно выглядишь, – улыбнулась женщина. – Покружись.

Я неуклюже обернулась вокруг своей оси и покраснела. Нет, ну вот уж эти люди! С первого дня они как-то ухитрились заставить меня поверить… что я – одна из них. При

этих мыслях мое сердце дрогнуло. В замке Огненных на самом деле нет никаких «нас» – там каждый сам за себя, каждый выживает, как может. А в этой деревне все было иначе. Люди держались друг друга, родители любили своих детей, а дети любили своих родителей (а не боялись до судорог). И все деревенские были не просто соседи, а самые настоящие друзья. Друзья. Это было новое для меня слово. Мне очень хотелось бы верить, что я, даже несмотря на свой неуемный характер, тоже могу… хоть чуть-чуть быть их другом. Ведь может же такое быть? Может?

Я внимательно посмотрела в светящееся от радости лицо жены кузнеца.

– Тебе нравится наш подарок? – спросила она.

Груда тряпья, на мой взгляд, – так я именовала про себя все платья. Доспехи куда лучше: они надежнее, они дают какую-никакую защиту…

– Очень, – сказала я.

Разве я могла ответить иначе? Все деревенские были добры ко мне, но особенно кузнец и его жена. Их дети, славные мальчик десяти лет и девочка – семи, втягивали меня в свои игры, и я, шестнадцатилетняя дылда, с удовольствием возилась с ними. Я мастерила им игрушки из дерева, которым они так радовались, будто я творила магию. А ведь это была не магия – просто две руки, кусок дерева и одолженные у их отца инструменты. Мы вместе с ними со смехом бежали за огоньком вдоль выстроенной деревянно-пуховой полоски.

Только один раз нас заметил кто-то из взрослых, и мне пригрозили самым страшным – что не пустят больше в их деревню! Так что я присмирела и с тех пор играла с огнем в одиночестве.

Но самым удивительным был их смех. Смех счастливых детей, над которым я тряслась, как над хрустальной вазой, боясь нарушить необыкновенное ощущение простого человеческого счастья. Именно эти дети научили меня улыбаться по-настоящему, от всего сердца. Оказалось, что оно у меня тоже было. Сердце, которое может чувствовать не только страх.

Мне вдруг неожиданно стало неловко, словно я крала у кого-то эти мгновения счастья. Платье, праздник, шестнадцать лет… У меня, у Огненной?

– Почему ты хмуришься? – озабоченно спросила жена кузнеца. – Что-то не так?

– Я… я недостойна всего этого. Я ведь не человек, – прошептала я и опустила глаза.

На деревянном полу под ногами виднелся след от сучка, и я провела по нему ногой в сапоге. Здорово, наверно, я смотрелась – в платье и в сапогах.

– Ой, я забыла совсем, – спохватилась жена кузнеца и достала пару белых кожаных туфелек. – Мы купили их в городе, когда были там три дня назад. Одевай. Сегодня твой день. И не говори больше чушь про то, что ты чего-то там недостойна. Ты – чудесная девочка, и мы все очень привяза-

лись к тебе.

– Да… я тоже… ко всем вам! – запинаясь, выпалила я. – Спасибо… за все!

Руки почему-то вспотели, и я неловко вытерла их о новое платье. Жена кузнеца смахнула с глаз слезы и нежно обняла меня, отчего мне стало неловко вдвойне. Я этого не заслужила. А ведь я всего-то хотела посмотреть на настоящих людей и научиться фехтовать. И вообще я Огненная.

Но вот я оказалась под открытым небом в центре разноцветной веселящейся толпы. Двое деревенских наигрывали на лютнях незатейливую, совсем не опасную мелодию. Многие танцевали. Люди добродушно кивали мне, поздравляли с днем рождения, шутили, смеялись. А я ходила среди них, неловко поводила плечами в непривычной одежде, чувствуя, как грубая ткань царапает кожу, и принимала поздравления. Даже почти позабыла о том, что никогда не стану одной из них. Я – не человек, я – маг, а еще точнее – магнесса. Главное: надо помнить об этом.

– Шогни, привет! – радостный молодой человек Рун, семнадцатилетний сын гончара, вышел из толпы и подошел ко мне ближе. – Прелестно выглядишь.

– Здравствуй. Ну да, клыки не торчат, – сказала я и ощутила, что щеки вспыхнули.

Он слегка картавил, но ему это даже шло. С этим светлоглазым смешливым молодым человеком с вечно встрепанной соломенной шевелюрой и ярко-рыжими веснушками я

была хорошо знакома. Гладко выбритый, в отличие от многих деревенских мужчин. Ему в свое время было достаточно одного взгляда, каким я посмотрела на щетину на его подбородке при нашем первом знакомстве. У магов на лице и теле волосы не росли (кроме бровей и тех, что на голове), поэтому… ну, меня можно понять. Я тогда коряво извинилась за свое выражение лица. А он смутился и посмотрел на меня. И потом смотрел. Много. Мы с ним часто прогуливались по тропинке в окрестностях деревни. Мимо полей рнисса, в сени мрачного сероствольного леса с корявыми ветвями, вдоль дальних лугов. О, с каким вдохновением Рун рассказывал про свою работу во время этих прогулок! То он создал какой-то необычный кувшин в форме парусника, то квадратный горшок, на крышке которого спал лебедь, а то и вазу, у которой росли драконьи крылья. А я кивала и украдкой бросала на него взгляды. Что было в этих взглядах? Сначала «еще один человек, и это интересно», а потом… О чем я вообще думаю? Я Огненная! Я не имею право на «потом». Я стиснула зубы.

– Да я про платье! В жизни тебя не видел ни в чем подобном. Очень красиво! А у меня для тебя подарок, – выпалил парень и достал из-за пазухи неуклюже обработанный кусок камня.

Я приняла увесистый подарок и с интересом уставилась на него. У темно-серого гладкого камня было явно четыре ноги и голова. Еще было нечто, похожее на хвост. Но я, хоть

убей, не смогла бы сказать, что это было за животное. Корова после спиливания рогов и освежевания? Бобер-переросток? Побритый брин? Вещица была тяжелая, и камень на ощупь был прохладным, даже несмотря на то, что до того хранился за пазухой у этого парня.

– Это волчица, – просветил меня Рун. – Мне кажется, она похожа не тебя.

Что, у меня тоже четыре ноги и хвост?

– Спасибо, замечательный подарок, – вежливо ответила я и прижала фигурку к груди. Добавила коряво. – Очень замечательный.

– Я так рад, что тебе понравилось! Я сам ее сделал! – обрадовался Рун. – Специально выбирал материал, чтобы он выдержал жизнь в замке Огненных.

– Ох, Рун, какой замок Огненных, ты что! – вздрогнула я. – Там не бывает личных вещей. Если даже таковыми обзавестись, все равно сгорят, не выдержав, когда, в целях очистки замка от паразитов, накопившейся грязи, совсем слабых Огненных и так далее, замок прокаливают пламенем Огненных. При первом же прожигании твой подарок будет просто уничтожен. Такой камень его не выдержит. А мне бы… этого не хотелось. Он много значит для меня.

Я погладила волчицу по спине, застенчиво улыбнулась ему и спрятала волчицу в кошель у пояса.

– Ты очень добра, – покраснел Рун и заложил руки за голову. – Пойдем танцевать.

– Рун, я же Огненная! Танец, музыка для магов огня – это… – испугалась я, но он уже взял меня за руки и тянул к танцующим.

Его руки были прохладней моих, потому что температура тела магов выше, чем у людей. Но это были его руки! Это его глаза подбадривали меня, чтобы я начала двигаться в унисон незатейливой мелодии. Это его веселый смех сопровождал мои неуклюжие поначалу движения. Но не прошло и дневного полудорта, как я уже стала двигаться наравне с ним. Мне начало казаться, что танец переполняет все мое существо. И хотелось только двигаться, двигаться, погрузиться в музыку целиком, стать ее частью… Огненные так и умирают.

Чтобы как-то отвлечься он наваждения я постаралась подумать о чем-то другом. Вот интересно, а сколько в дорте биений сердца? Дорт – одна восьмая дня или ночи, величина переменная, зависит от длительности дня или ночи в данное время года. Биения сердца у всех разные: у людей, у серых послушников, у разных магов… Так сколько? Или сколько человеческих шагов в амеруне, то есть в шаге амеруна, который еще и зависит от вида магической лошади? Ох, много-много…

Что за бред мне пришел в голову? Кого интересуют такие вопросы?

– Расскажи мне, как ты сделал эту волчицу, – попросила я Руна.

Мы танцевали до поздней ночи. Рун говорил – я кивала,

улыбалась и чувствовала себя счастливой. Радостное, светлое чувство словно поднималось из глубин души, затмевало все прочие эмоции, отвлекало от опасной музыки. В этом простом наряде, танцуя с Руном, ощущая его руки на моей талии, глядя в его светлые глаза… Все было чудесно.

После танцев, когда уже начало темнеть, мы с ним улизнули с общего праздника и двинулись вдоль лугов, где паслись стада. Рун был странно молчалив, и, поскольку из меня рассказчица была аховая, мы просто молча шли по дороге, куда глаза глядят. По бокам от нас колыхалось на легком ветру море травы, кажущейся в вечернем свете темно-синей. Стрекотали сверчки, воздух был напоен запахами трав, душистых белых цветов и вечерней свежести. Все дышало покоем, только где-то вдалеке на страже стоял темный лес, который казался сейчас мрачной тенью у горизонта.

Мы шли бок о бок, и я чувствовала прохладу его тела рядом с собой. Он был так близко, так рядом – как будто мы были «мы», а не «магнесса, человек и пропасть между ними»… Тень побери, ну почему, почему Рун – не маг?!

– Я много думал, Шогни, – наконец, нарушил молчание Рун. – Может ли быть, что ты… Я… Я тебе нравлюсь?

Я ждала этого вопроса, ждала давно. И боялась его. Маги жили дольше людей, и даже я со своей слабой магией проживу почти вдвое дольше самого старого человека. Как можно объяснить ему, что это слишком тяжело – любить того, кого ты непременно и надолго переживешь? Конечно, мож-

но уйти в монастырь магии. Если жить там безвылазно, маг становился совсем как обычный человек. Но отец мне за это голову оторвет. В прямом смысле.

– Почему ты молчишь? Я тебе не нравлюсь? – вздохнул Рун.

– Нравишься, – не стала кривить душой я. – Даже слишком, но…

– Но ты – Огненная, – словно прочел мои мысли он.

– Но я – Огненная, – согласилась я. – Такую, как я, невозможно любить.

– Я люблю тебя, – с пылом произнес Рун. – Ты замечательная, добрая, красивая… Мне так нравится, как ты смешно морщишься, прежде чем улыбнуться. Мне нравится смотреть на тебя, когда мы гуляем по округе. Нравится, как твои осенние волосы падают тебе на лоб и ты нетерпеливо их отряхиваешь. Нравится, что ты одна дортами готова выслушивать мою болтовню о горшках и вазах…

А мне нравилось его слушать. В бесхитростных речах Руна было что-то умиротворяющее, как потрескивание сучьев в камине в лунную ночь. В них была простая человеческая жизнь. Такая непохожая на жутковатую жизнь в замке Огненных и потому такая притягательная и желанная. Мне так хотелось, чтобы я родилась не Огненной, а простым человеком, жила бы в этой деревне вместе с Руном и… При мысли об «и» я вздохнула и опустила взгляд. Что толку мечтать о несбыточном?

Рун остановился и встал напротив меня. Я тоже остановилась. Вгляделась, словно в последний раз, в его простые, но милые черты, в его светлые, почти прозрачные глаза, рассматривая каждую веснушку на его щеках. Нельзя. Нельзя об этом даже думать.

– Нет, Рун, это невозможно, – дрогнувшим голосом сказала я. – Ты – человек, а я – магнесса.

– Все возможно, я все продумал, – картавя больше, чем обычно, быстро проговорил он и осторожно взял мои руки в свои, прижав к своей груди. – Мы убежим. Убежим так далеко, что твой отец не сможет нас отыскать. Людей на свете бесчисленное количество, мы смешаемся с толпой…

Я горько покачала головой.

– Рун, я – магнесса. Как я смешаюсь с человеческой толпой? Мою магию в магическом пространстве видно за много-много амерунов, – вздохнула я.

– Смешаешься, – упрямо мотнул головой он. – Я купил вот это. Деньги, накопленные за всю жизнь, потратил и у ребят попросил… Он не совсем законный.

Рун достал из-за пазухи блеснувший бронзой амулет в виде сокола, и я с любопытством посмотрела на него. Что это? Явно зачарованный, но на что? Я осторожно коснулась рукой металлической поверхности. Бр-р-р, ледяная. Что Рун задумал?

– Это амулет от магов смирения, Вериговичей, – сказал он. – Одев эту штуку, ты не сможешь творить магию, но

и твоя магия не будет видна никому. Он твой. Попробуй, одень.

Не веря своим глазам, я взяла в руки металлический амулет и одела на шею. Одетый, амулет стал чуть теплым. А я перестала видеть и ощущать свою магию. Попробовала создать точку света в магическом пространстве (на создание ее в физическом пространстве у меня не хватало сил) – и не смогла. Невероятно! Значит, я могу… могу сбежать из замка Огненных. Навсегда!

– Ах, Рун, это самый прекрасный подарок на свете! – переполненная эмоциями, я кинулась ему на шею и поцеловала в щеку.

Я хотела тут же отстраниться, но он обнял и никуда не пустил. И поцеловал прямо в губы. Пожар взорвался! Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, тело свело от томления. Это было… непередаваемо! Но в голове колотилась лишь одна мысль: я убегу. Я убегу из замка Огненных, этого страшного места, с тем, кого люблю, и никто нас не найдет. Мы будем вместе, и все у нас будет прекрасно. Обязательно.

Тогда я еще не знала, что ждет меня на следующий день.

Глава 2. Что с замком Огненных?

Меня трясло. Меня колотило и знобило, словно я тяжело заболела. Руки сильно вспотели, сжимаясь в бесполезные кулаки. Щеки подрагивали в нервном тике, а в голове колотилась лишь одна мысль: «Нет! Нет, это не может быть правдой, нет!»

Может.

Это правда.

Страшная правда.

Хотелось кричать, выть, кататься по земле в истерике, но я только крепче сжимала кулаки и смотрела на безмолвную выжженную деревню, скаля клыки. К шестнадцати годам в подобные моменты они у меня вырастали уже такие солидные, что можно было прокусить кому-нибудь руку или ногу. Однажды даже пришлось…

Потерянная, опустошенная, рычащая от ярости, я смотрела по сторонам остекленевшими глазами, не веря им, не желая им верить! Все было сожжено дотла, до пепла, до обугленных остовов домов, до выжженных останков мужчин, женщин, детей, домашних животных, даже пролетавших мимо птиц… Ощущение страшной утраты; пустота, которую ничто не способно заполнить, пронизывали сознание.

Нет!!!

Нет, нет, нет!

Горячие, обжигающие слезы наконец-то нашли выход, заструились по обветренным щекам. Меня продолжало трясти и еще сильно мутило от жуткого запаха дыма и паленой плоти… Мне становилось плохо от одной мысли, что выжженное пепелище – это все, что осталось… от них. От Руна. От кузнеца с женой и их детишек. Ото всех «моих людей».

Если бы я могла что-то сделать, как-то это предотвратить! Я пришла сюда на следующий день после разговора с Руном. Мы договорились обсудить детали побега – и вот… Все люди мертвы. В порыве слабости я спрятала лицо в ладонях, словно надеясь, что вот я отниму руки от лица, и страшная правда окажется чьей-то неудачной шуткой. Но нет… Архимаг великий, зачем ты позволил этому произойти? Поднебесные маги говорят, что ты добр и всемилостив, так за что же? Чем эти люди провинились перед тобой, чем?

Нет ответа. Только в небе равнодушно светило солнце, и тускло сиял Великий Разлом, в центре которого кровавым оком мерцала магх-сфера. Но и она молчала. Как всегда.

Я… я убью того Огненного, кто это сделал! Ясное дело, тут не обошлось без кого-то из них! Что еще могло бы произвести подобные разрушения, кроме магии? Итак… кто? Надо вернуться в замок и выяснить это. Но я все никак не могла заставить себя пошевелиться. Даже не могла поднять руку, чтобы смахнуть льющиеся слезы. Терпеть не могу воду, и все же слезы катились и катились, а я все стояла на границе двух миров: зеленого, живого, и пепельно-черного, мертво-

го. Здесь закончилась моя жизнь, моя настоящая жизнь. Что мне остается?

Мстить.

Но сначала тут есть одна вещь, которую я должна забрать с собой. Ноги плохо гнулись, были, как чужие. Кашляя и задыхаясь от дыма и гари, я пробралась мимо куч пепла к черным остаткам дома. Того самого дома. По дороге мне под ноги попалась обгорелая куколка, пугающе похожая на труп, и я обошла ее, с ужасом подумав, что где-то здесь лежит игравшая в нее девочка. В доме со сгоревшей крышей, под открытым небом, лежал чей-то сильно изуродованный пламенем труп, и я застыла на месте, не в силах пошевелиться. Только ноздри широко раздувались, вдыхая жуткий запах гари. Может… это он? Рун, с таким вдохновением рассуждающий о глиняных вазах, горшках и кувшинах… Кто учил меня танцевать, с кем мы ходили гулять по округе, болтая обо всяких глупостях. Человек, который когда-то был живым.

Наконец я заставила себя двигаться, опустилась на колени в нужном месте и спустя несколько биений сердца выкопала из пепла фигурку волчицы, его подарок. Там же оказался и чуть расплавившийся амулет, который я тоже забрала с собой. Теперь это все, что мне осталось от прошлого. Глаза болели, из них словно утекала сама жизнь. Я прижала фигурку и амулет к груди и побыстрее, стараясь не смотреть на обожженное тело, двинулась прочь. При воспоминании о Руне и одной только мысли, что это может быть он, резко перехва-

тило горло.

Мстить. Отныне это все, что мне остается.

От слуг замка Огненных я узнала, кто отныне и на всю жизнь будет моим врагом. Один из моих дражайших сородичей. Мой старший брат Рид Оуэнн, наследник нашего рода и самый сильный маг, если не считать верховных магов. Как мне сказали, он даже не намеревался убивать их, он должен был сжечь только восставших людей неподалеку оттуда, но увы… он «не рассчитал свои силы», и огонь охватил всю округу. Они умерли по ошибке. Он убил моих друзей по ошибке!!!

Я убью его!

Только моя пятнистая магия… С ней я не могу убить даже цыпленка. Да, я отлично фехтую, но меч против магии – ничто. Не важно. Я придумаю, я смогу, он будет мертв! Жизнь за жизнь. Я так решила, я так хочу!

Поэтому я сейчас здесь, в надежде как-нибудь в пылу сражения проткнуть его мечом, шпагой, клыком – хоть чем-нибудь! Страх перед старшими Огненными был отодвинут на чердак сознания. Не до него. Я ждала подходящего момента вот уже три года, а того, чтобы получить право сражаться среди них, старших магов, добивалась еще пять лет. Однако случай, как назло, все никак не помогал мне приблизиться к этому обратнутому на расстояние удара. Но я знала: у меня будет всего одна попытка, потому терпеливо ждала. Рано или поздно месть свершится, потому что есть на свете вели-

кий Архимаг и справедливость. За пазухой холодила кожу фигурка волчицы, за подкладкой сапога лежал завернутый в тряпицу амулет. С ними я больше не расставалась.

Я резко спрыгнула со ступеньки и начала судорожные поиски того, что могло бы сойти за оружие. Ну и хлам был под ногами: каменные обломки; заляпанные кровью лоскуты ткани; погнутые, искореженные шпаги и мечи; черные обрубки рассеченных тел… Я скривилась. Шпаги! Магия Поднебесная, кто их придумал? Ну что за радость прыгать с тонким стальным прутиком рядом с какой-нибудь здоровенной, раза в три меня больше, черной тушей, если гораздо лучше взять хороший двуручный меч и как следует ее нашинковать?

Плюх! Рядом со мной откуда-то сверху тяжело свалилась тварь с пастью пилы-переростка. А маг с мозгами дорри воткнул свой меч ей прямо в пасть, и та с удовольствием пообедала и им, и… рукой. Бр-р-р, ну и зрелище! Это кто такой? А, Борг. Тогда ясно. Борги, маги разума, в фехтовании были просто как ягнята, такие же мягкие и тупые. Зато в магии они были ого-го, палец в ладонь не клади. Хотя те же некроманты, лягушки-перелетницы, вообще фехтованием не занимались. И нормальные маги над ними почти даже не смеются. Чего смеяться над уборгими? Ведь освоить все, на что способны люди, для магов – дело чести. Для меня – дело мести. А для некромантов – видимо, что-то вроде подчищения улиц. Они даже ногами пола не касаются, плывут над ними,

как трупы! Разорились небось на амулеты от магов воздуха за свои поплывки над полом…

Борг под мое мысленное ворчание рыкнул от боли, но достал себе из хлама новый меч в левую руку и стал сражаться ей. Рана его на правой уже не кровоточила: охранное заклинание начало действовать. А потом маги лечения нарастят обалдую новую плоть. Вот и мне бы так же…

Ага, сейчас, размечталась! Все спешат и падают дарить мне дорогостоящие заклинания.

Фу, как же воняет эта куча хлама под ногами: плоть этих тварей разлагалась быстрее, чем у меня клыки вырастали. Но я, морщась и гримасничая, отыскала отличную шпагу, белую с черным, которая легла в мою руку как влитая. Ну что, повоюем? Я стала оглядываться в поисках тех, кто нарывается на ее острие. Как назло, лично мой враг куда-то подевался. Большая часть сражающихся уже отправилась за каменную ограду, а мне с еще несколькими недоумками досталось зачищать двор. А вот и твари мне на радость! Шинкуем, шпигуем! Новая шпага, хотя я была неважного о них мнения, слушалась намного лучше меча и летала сейчас, как молния. Хоть в чем-то я хороша, но… глупо гордиться тем, на что способны даже обычные люди. Ведь я слабая, пятнистая, недоделанная, но магнесса… магнесса огня. Рожденная Огненной. Звучит намного лучше, чем было на самом деле.

Мы старательно крошили тварей в мелкие брызги, а я все зыркала за ограду в поисках того самого, но я не мог-

ла туда уйти. Во-первых, подозрительно, он заметит; во-вторых, меня за нарушение дисциплины попрут с занятий. Я не говорила? Это все было учебное занятие. Такое особое, с риском для жизни, чтобы всем было интересно и весело. Нокх! Часть тварей все же прошлепали внутрь местной торговой лавки, и после дочистки двора пришлось шлепать за ними. Внутри черные отвратительные существа прыгали по шкафам и изо всех сил кривлялись, злобно поблескивали глазками и похрюкивали, как стадо поросят на выгуле. В лавке сидел одетый в белое молодой торговец. Лицо его, с правильными чертами, обрамленное спутанными темно-каштановыми волосами, выражало скорее изумление всем происходящим, чем испуг. Удивительная реакция для человека.

– Эй, ребята, я оставлю пока лавку на вас, – чуть картавя, сказал он. Лишь слегка скривился, когда жирная черная крыса с противным звуком шлепнулась на прилавок прямо перед ним. Сузил светло-карие глаза. – А я пока выйду… эээ… подышу свежим воздухом.

Я извернулась. Удар! Кабаноподобная туша получила прямо в горло, и я тут же отпрыгнула: еще не хватало, чтобы и моей рукой со вкусом пообедали. Передо мной как-то не стоит задачи кормить собой заезжих магических тварей.

– Неужели близится Ночь Магх? Человек – и вдруг не боится, – маг лунного света отбил атаку рептилии о шести лапах с кучей когтей. – Да, эти создания магов иллюзии не должны трогать никого, кроме учеников. Но обычно люди

их побаиваются. Выглядят-то они все равно жутко.

– А по мне, так скорее противно, чем жутко, – вставила свою реплику я.

Но мне никто не ответил. Со мной вообще из всей группы, состоящей из старших магов, мало кто разговаривал. Еще бы! Куда мне с моим пятнистым рылом в их старшемагический ряд! В молчании мы продолжали пронзать черные тела, осторожно обходя шкафы с товаром, уважая чужую собственность – по крайней мере на занятиях. Постепенно набитое кривляющимся и хрюкающим темным месивом помещение освобождалось. Я, вытерев резким движением проступивший на лбу пот, осталась одна добивать мелочь, пока остальные пошли помогать рубить орды нечисти за оградой.

Итак, добить мелочь… Неприятная мелкая тварюшка с зубастым клювом мирно хлопала глазками на ближайшей полке, прячась между аккуратными грудами комков толстого меха. Вокруг них плясали крохотные искорки золотистого света или капельки воды. Я равнодушно окинула взором весь шкаф. Рядом с тварью без всяких клеток мирно дремали бежево-розовые голые существа размером с большую крысу. Они были толстенькие, все в складках, а их длинные трубчатые носы слегка подрагивали во сне, как будто они постоянно нюхали нечто очень приятное. У меня на глазах один из них, не раскрывая глаз, достал носом круглую красную ягоду из стоящей неподалеку мисочки и удовлетворенно запихал ее в рот. Полка ниже, по которой прыгала улюлюка-

ющая черная обезьянка, была вся уставлена разноцветными браслетами с металлическими клепками, из которых били струйки прозрачной воды. Вода вычерчивала в пространстве замысловатые узоры, после чего благополучно вливалась назад. Оставшиеся три полки занимали часы: песочные, борговы и солнечные. Рядом со шкафом располагалась целая пирамида из стеклянных шариков, которую безуспешно пытался развалить мелкий черный свин… Да, вроде осталась совсем мелочь.

Ой, магия моя! На меня прыгнула еще одна тварь, похожая на свиноподобного ежа, и я обеспокоенно посмотрела на руку – есть царапина или нет? Уф, вроде нет. Тень побери, для меня яд этих существ был смертелен. Это старшие маги могли себе позволить охранное заклинание. Мне же об этом приходилось только мечтать. Один раз только, на самом первом занятии, я допустила ошибку, и яд чуть меня не убил. Он попал на открытую рану на плече. Меня тогда спас в нарушение учебных правил Трэвис Джентkиандторри, маг солнечного света, который случайно оказался в тот момент рядом. Он – один из немногих старших магов, кто снисходил до общения со мной, уборгой. Хотя, что я прибедняюсь? У Боргов, магов разума, я в ведении как раз не находилась, чего и всем желаю. Даже этим, настоящим уборгим, дорри…

О чем это я думала? А, да, о старшем Солнечном.

– Ты шутишь?! – до сих пор помню ошеломленное, потерянное, полное сочувствия лицо, с которым Трэвис это про-

изнес.

Он был вторым сыном верховного Солнечного. Высокий, выше меня на голову, маг со слегка светящейся изнутри кожей и серьезными серыми глазами. У него было немного отрешенное, но довольно симпатичное округлое лицо с прямым носом и слегка пухлыми губами. А в его коротких светлых волосах мерцали солнечные блики. И когда Трэвис улыбался, вокруг частенько приветливо играли солнечные зайчики. На занятиях, как и я, он предпочитал легкие кожаные доспехи. Только у него на шее еще открыто висел золотой амулет с топазом в виде солнца, а я свой амулет прятала. Вообще Трэвис славный. Почти человек. Он действительно за меня… переживал.

– Нет, – как можно равнодушнее сказала я. – Я действительно занимаюсь без охранного заклинания. Только ты, пожалуйста, никому об этом не говори, это тайна.

– Тайна? Да ты с ума сошла, ты же можешь погибнуть без него! – его серые глаза были полны искреннего ужаса. – Это же преступно, отправлять тебя сюда без него! Ты можешь умереть!

– Знаю, – пожала плечами я. – Но ты все-таки никому об этом не говори, иначе мне не разрешат больше здесь появляться.

Есть вещи, которые невозможно объяснить. Я стиснула зубы. Я обязана убить этого обратнутого шкарпи, кто убил моих людей! Даже ценой собственной жизни. В глазах по-

лыхнуло пламя, и Трэвис невольно отпрянул. Я удовлетворенно кивнула. Это вам не зайчики солнечные пускать. Я своего добьюсь!

Говорят, отец мой, Бахраманд, да правит он вечно… при мысли о нем я очнулась в настоящем, шпага на мгновение дрогнула в руке, когда все пальцы свело в судороге. Одно упоминание этого жуткого имени всегда сопровождалось приступом страха. И неизменной фразой «да правит он вечно». Если ее не произнести, то… верховный Огненный узнает, а жизнь – такая хрупкая штука.

Угрюмо загнав страх подальше в самый темный уголок сознания, я пронзила шпагой последнее прыгающее на двух лапах чудо с рогами, клыками и когтями. Оно было бы, наверно, страшным, не будь это существо размером с крупного таракана. Надо бы подняться наверх, там еще могли остаться… В лавку вошел взлохмаченный торговец и с тоской оглядел слегка разгромленное помещение. На пряди его темно-каштановых волос весело качалось черное существо, которое увидело меня и бодро показало сначала язык, затем клыки, а потом тоненько заверещало боевую песнь воинственной мухи. Как трогательно, я сейчас прямо заплачу и нежно прижму к груди маленькое чудовище. С причитаниями, как брюхатая ластоногая вобла над выводком.

Торговец испуганно замер при этих звуках.

– Встань у стены, – коротко бросила я ему и добавила. – Только не делай резких движений.

Тот с побелевшим лицом встал между двумя шкафами с тканями – слева обычными, справа явно магическими, с меняющимися узорами – там, где рядом была стена. И я пронзила воинственную муху мечом. Я – гроза всех окрестных насекомых, есть чем гордиться, а? Поцарапанную стенку явно придется ремонтировать, но это, слава магии, не моя забота.

Убив тварь в волосах торговца, я тут же потеряла к нему всякий интерес. О чем я там думала? Да, об отце. Говорят, у него выдыхается магическая сила. Шутка ли – всего лишь восемнадцать детей – это для верховного мага признак вырождения. Да еще я – предпоследняя, но последняя из выживших, пятнистая – настолько магически бездарна, что… Глаза полыхнули пламенем в слепой ярости. С каким лицом выплевывал слова отец! Что раз я напросилась на эти занятия, то моя задача – подохнуть в них и перестать, наконец, позорить род Оуэннов?! А если найдется идиот, который будет готов на мне жениться, то тем лучше – ведь я уйду в его род и опять-таки перестану позорить род благородных магов огня. Благородных, обрат твою?! Способных сжечь всю округу «по ошибке», сжечь всех моих людей! В неожиданно накатившей ярости я – как была, с окровавленной шпагой в правой руке – силой притянула голову торговца к себе левой и зло прижалась своими губами к его. Это заняло пару биений сердца, потом я мрачно вытерла лицо рукой и двинула на второй этаж добивать оставшихся тварей. Значит, надо най-

ти себе мужа? Отлично, как насчет человека? Его-то род я могу позорить до потери магии! Доволен будет отец, а? Уже на самом верху лестницы, когда вспышка гнева начала спадать, я неловко повела плечами и оглянулась. Торговец застыл на месте, явно ошарашенный таким поведением, и мне стало неловко. Может, не стоило судить магов так строго? В конце концов, я была одной из них…

Хоть Рун этого не видел… Мысль так и осталась незаконченной. Я злилась на отца; на себя; на то, что я никак не могу добраться до убийцы. И мрачно пронзала мечом тварей. И представляла, что на их месте – он.

Но что, тень побери, это значит? Я уже добила всех, кого могла (обратнутый в этот список, к сожалению, не попал), и спустилась вниз, в торговое помещение. Там словно магический тайфун прошелся. Гигантские шкафы были разбиты, грудами лежали развороченные мешки с причудливыми ароматными травами и частью разбившиеся, частью просто рассыпавшиеся стеклянные шарики. Придавленная краем шкафа розовая «крыса» жалобно хрюкала. Я подивилась – ну и крепкие же это существа. Поднапрягшись, я приподняла деревянную громадину – и существо, выползши из-под шкафа, принялось вылизываться тонким синим язычком. А еще повсюду валялись блестящие осколки непонятных мне приборов, грудой лежали обычные ткани, из одной из коробок выползали разноцветные пятачки – слава магии, неживые… Что, обратить твою магию, все это значит? Ведь еще совсем

недавно здесь был относительный порядок. Что тут, тень побери, произошло?

В магическом пространстве был след! Мои ноздри с шумом выдохнули воздух. Огненная шкарпи! Что она здесь забыла, совесть? Но тело уже сводила судорога страха. Да, моей сестрице незнакомы понятия «доброта» и «честь», но она хоть и магнесса, – из старших Огненных. Я просто обязана ее бояться. Нокх, ну его к айкромену, этот страх! Я встряхнулась и скривила губы в оскале. Слишком много чести для магнессы, пусть она и старший ребенок в семье.

Я принялась выбираться из здания (чуть не уронила на себя шкаф). А мозг продолжал отвлекать сам себя от самоубийственного желания наподдать старшей Огненной.

Обрат твою, жуткий скандал, говорят, был при ее рождении. Шутка ли, ждали сына, наследника рода, а родилась дочь Фламина. Как разъярился отец! Небеса над землями Рундов, магов рождения, содрогались, полыхали пламенем! Отец ревел, что более младший, чем первенец, мальчик будет слабее магически. Что Рунды, которым, он орал, за их работу в пасть всунули до позеленения амерунов, нанесли ему, главе рода Огненных, смертельное оскорбление, шкарпи недоделанные, что… И так до бесконечности! Он гневался, скалил клыки, ругался, как эринт (хотя нет, маги земли ругались еще круче). И жестоко покалечил и самого Рунда, чьими стараниями вместо сына получил дочь, и натворил много чего еще. В конце чуть не спалил скальный чер-

тог виновников дотла вместе со всеми, кто там находился. Все сообщество магов, затаив дыхание, смотрело на огненное действие, на то, что Совет признал справедливым и назвал «компенсацией морального вреда».

Стоило ли удивляться, что над рождением следующего ребенка трудились все старшие Рунды и даже глава их рода. И пока мать вынашивала предполагаемого наследника, над всеми землями магов рождения полыхало пламенем багровое небо с горящими изнутри облаками, которые несли жар и засуху. Сама магх-сфера, даже когда появлялась, была еле видна, потому что все закрывали дым и магическое пламя. И отчаяние. Даже шепотом испуганно поговаривали о возможности возобновления мировых магических войн.

Но родился мальчик, наследник рода Оуэннов, самый сильный маг, если не считать верховных магов. То есть сильнейший среди всех равных. Да, с верховными, с главами родов с их книгами магии в сердцах, было не сравниться, но… Риду прочили стать первым, едва книга магии Оуэннов перейдет к нему по наследству. Самолюбие и тщеславие главы Огненных было удовлетворено. Так что небеса не раскололись второй раз, магх-сфера не шлепнулась на землю, и даже никакие мировые магические войны не начались. Жизнь продолжилась.

Так родился Рид Оуэнн. Мой враг. Обратнутый, бессердечный, способный хладнокровно пойти сжигать восставших людей. И, ошибившись, спалить всю округу. Достойный

сын своего отца. Тень побери, оба они достойны отца – его старшие дети, Рид и Фламина.

Отца – но не мамы. Я ее почти не помню. Помню только ощущение тепла и доброты. И пустоты, которая осталась в душе, когда она умерла. Умерла при невыясненных обстоятельствах где-то далеко-далеко от дома. Мне тогда было четыре года.

Случайность ли, что обнаружили ее мертвой именно они, старшие дети? Ненавижу их, их обоих! Глаза полыхнули пламенем. Я уже выбралась наружу и, не слушая доводы благоразумия, побежала за ворота в сторону, противоположную основной битве. Мне сейчас стало не до занятий.

Ой, нокх! Стоило мне выбежать за ворота, как на меня навалилась груда тварей. Сердце еще грохотало от ненависти, но глаза молниеносно оценили обстановку. Откуда так много? В месиве лап, клыков и когтей величественно возвышались хорошо мне знакомые огромные брюхатые четвероногие. С голой черной кожей, но мощные; однако, слава магии, медлительные и неповоротливые. Сколько же их вокруг! Да меня затопчут! Стоп, идея! Я, как по лестнице, на одном дыхании взбежала по черным, рвущим тяжелые сапоги тварям поменьше на спину к одному из этих гигантов. Вот так, балансируя на скользкой спине, стоя на одном колене, я стала отбиваться. Оседлать эту махину было нереально. Насколько я успела заметить в промежутках между выпадами, это действительно была Фламина со своей подругой Ольгой

Хвелебри, одной из старших дочерей магов ветра. Они стояли неподалеку, с интересом за мной наблюдали и кривились в совсем не женских ухмылках. Конечно, нацеленные только на учеников черные твари их не трогали.

Фламина Оуэнн, сестра, разрази ее магия. Красивая, с прямым носом и миндалевидными карими глазами. Вот она, со своими вьющимися волосами, похожими на переливающееся багровое пламя, выглядела настоящей Огненной. О да, как моя старшая сестрица любила посмеяться, глядя на что-то весьма забавное. Особенно если это забавное происходило с несчастными людьми, не способными дать ей и ее подруге отпор. Отбив очередной удар, я мельком посмотрела на молодую Хвелебри. Бесподобна. Такая тоненькая, хрупкая, но сильная и стремительная, как сам ветер. В общем, настоящая Хвелебри.

Что ж я-то вся такая – выгляжу, как пятнистое недоразумение? Даже на лице иногда обгорелые веснушки выступают.

На обеих магнессах красовались алые с черными вставками тряпки, именуемые платьями. Хищно выглядят. У обеих – почти одного стиля. Ольга явно подлизывалась к более сильной подруге. Зря что ли ту в свое время перевели на занятия магией в группу с магами-мужчинами? Нокх, не хватало только мне быть на нее похожей! Я занимаюсь с мужчинами фехтованием, она – магией… Бр-р-р! Только я магх-сферу с небес не хватала, а она считалась одной из самых

сильных из ныне живущих магинь и магнесс. Даже выйди она замуж и стань магиней сама, сильней бы вряд ли стала. Такая вот. Впрочем, на глаза наследнику рода Риду она все же старалась не попадаться.

На плече моей сестры, как всегда, сидела красно-белая огненная ящерица, меланхолично взирающая на окружающее мутными глазами. Я ответила ей неприязненным взглядом. Просто видела эту тварь в действии. Питается страхом и болью, шкарпи хвостатая!

– Приве-ет, сестричка, – вовсю растягивая гласные, сказала Фламина, скользнув по мне своей ярко-алой магией, прощупывая мою пятнистую. – Ты, я вижу, вся в заботах. Мы вот решили прийти с подругой, полюбоваться твоим «высоким искусством» для дорри-недомагнесс. Надеюсь, не помешаем?

Золотисто-бронзовая магия «подруги» колыхнулась в мою сторону. Меня передернуло. Если еще Фламина была умна и относительно вменяема, то ее подруга – отмороженная напрочь.

– Помешаете, источник оборотный! – выругалась я, шумно выдохнув из себя воздух. – Что вы с ним сделали?

Уставшие ноги отчаянно скользили, твари поменьше пытались запрыгнуть рядом с нескольких сторон, правую руку сильно саднило, и я один раз чуть не выронила шпагу. А так все было отлично, просто чудесно и радужно.

– Ой-ой-ой, как неве-ежливо, – вкрадчиво протянула

Фламина. – А что, ты считаешь, я могла ему сделать?

Ее глаза сыто смеялись, а меня переполнял гнев. Она не смеет так обращаться с людьми! Они же ничем не могут ей ответить. Это низко!

Следя за тварями краем глаза, я резко развернулась спиной к ней, отражая атаку одной не в меру прыгучей твари. Существо успело плюнуть мне в лицо напоследок, но я ловко уклонилась. Какая я молодец, правда?

– А знаешь, – продолжая растягивать гласные, томно прожурчала Фламина. – Он такой интере-есный, что я даже, пожалуй, заберу его себе.

Не повезет тогда парню. Люди старались селиться подальше от любых обиталищ Огненных… По крайней мере от центрального замка, где живут глава рода, его выжившие в замке Огненных отпрыски, включая меня, и те, кого они пожелают еще в нем поселить.

Тут Фламина вскрикнула. Я повернулась, но сразу же дернулась назад. Поздно. Еле увернувшись от мощного узкого тела, с визгом скатившегося со скользкой спины, я не удержала равновесие и рухнула вниз – прямо в мешанину хрюкающих, сопящих, рычащих черных тел. Упав на чью-то покрытую гладкой чешуей лапу, я, попытавшись перекатиться, неудачно подвернула ногу. И, скрывшись под черными тушами, уже почувствовала чьи-то когти на своем теле. Усиливающаяся боль затуманила голову и угрюмо напомнила: меня предупреждали, что все однажды может закончиться имен-

но так. Как раз когда темнота принялась закрывать все небо от земли и до горизонта, тварь, наседавшая на меня сверху, издала булькающий гортанный звук и упала, пронзенная насквозь.

– Я пришел, как только смог, – сказал Трэвис, помогая встать. Все магическое пространство вокруг залила его приветливая солнечная магия. – Там сейчас такая заварушка за оградой, все слишком заняты.

– Спасибо, – кратко поблагодарила я. Оскалила клыки, мы встали: он и я, спина к спине. Бой продолжался.

Я выжила. В этот раз.

Занятия закончились. Они давались все тяжелее. Тень побери, как тяжело – каждый раз идти, возможно, на смерть. Думать, мечтать, верить, что вот сегодня – тот самый день, когда я смогу наконец-то почувствовать, как мой меч протыкает тело того самого убийцы… и каждый раз уходить ни с чем. Кажется, скоро я наплюю на все предосторожности и просто ринусь с мечом на него от безысходности… Архимаг великий, как же я его ненавидела! Обратить твою магию, хочу его убить, хочу!

Раздраженная, усталая, злая на судьбу, я шла в тронный зал родового замка, чтобы по традиции, как и все совершеннолетние дети, поприветствовать там отца, Бахраманда Огненного, да правит он вечно. И опять же по традиции, тень меня через магх-сферу, была одета в неудобную груду алого с черными вставками тряпья – платья. Похожа я на Фла-

мину в нем? Ха! С моими мышцами и плечами – да ни в жизнь! Как она вообще в этом ходит? Стоячий ворот натирал шею, кружева коротких перчаток царапали кожу, длинная алая юбка мешала ходьбе, ткань постоянно лезла под ноги, и я традиционно путалась в собственным подоле. В общем, явно претендовала на звание лучшей магнессы объединенных магических земель. Разве это, обрат твою, не ясно?

Тень меня подери в пятый проход (мое воображение отказывалось представлять, что бы это значило)! Да когда же я научусь ходить на высоких каблуках?

Хм.

Странно, но вокруг царила необычная активность.

Старательно пряча покрытые плохо заживающими царапинами и порезами руки, я, как всегда, с опаской передвигалась, вжимаясь в стены коридоров. Проходя вдоль одного из них, я с недоверчивым удивлением разглядывала произошедшие в замке изменения. Тень побери, не к добру это. С пола, стен и даже потолка была соскоблена жутковатая смесь из гари, пепла, высохших или вплавившихся в камень кровяных сгустков и ошметков плоти. Кто-то даже вымел вечно валяющиеся на полу обугленные осколки костей и ржавеющего оружия. И даже вездесущий запах дыма, который не выветривался из крохотных узких окон под самым потолком, сейчас почти не чувствовался. Не к добру это…

Ого! Из угла вверху коридора на меня круглыми глазами пялился мохнатый круглый опум. Я шуганула бедолагу: еще

застанет магический паразит очередное прожигание замка – мало не покажется. Они ж безвредные, только глазами хлопают.

А я зябко повела обнаженными плечами. Сейчас было не так жарко, как я привыкла. Хотя повсюду у вбитых в стены коридоров огненных колодцев, что единственные освещали каменные своды, орудовали серые послушники. Жуткие все же это существа. И не люди, и не маги – такие, с застывшими лицами и с настолько слабым серым магическим ореолом, что его едва было видно. Да, все-таки у кого-то с магией дело обстояло даже еще хуже, чем у меня. Послушников можно было встретить повсюду, и хотя подобные им появлялись и среди обычных людей, но чаще всего они были просто слишком далекими потомками глав магических родов. Ведь всем известно, что чем дальше родственная связь с главой рода, хранителем родовой книги магии, тем слабее магическая сила.

Мой взгляд скользнул по одинаковым, словно вырезанным из камня лицам с вытатуированным на лбу треугольником – знаком Огненных; по застывшим глазам; когтистым рукам, мерно перемешивающим что-то в котлах, – и кровь заледенела в жилах. Лучше уж родиться человеком, чем серым послушником. Правильно кузнец дергался при одном подозрении, что его жена может оказаться кем-то подобным. Все они, серые, были одинаковыми и вели себя одинаково послушно, безынициативно и безэмоционально. И все без

исключения проходили специальное воспитание-обучение в замках Боргов (поэтому их называли у-борг-ими).

Продолжая опасливо оглядываться по сторонам, я осторожно пошла по каменному коридору. Под всполохи взрывающейся лавы потревоженных огненных колодцев.

Стоп!

Я замерла на месте. За поворотом невысоко над полом мерно покачивался и беседовал с одним из послушников Скрэп Скрк'н, старший брат главы рода некромантов. Сжав кулаки и стиснув зубы, чтобы не зарычать вслух, я поспешно отступила подальше в тень. Обрат твою магию, а этот что здесь делает? Мы с ним… однажды при случайной встрече немного повздорили. Повезло мне, что тот был просто старшим магом, не главой рода. Была там в свое время какая-то темная история, из-за которой первенец некромантов Скрэп лишился наследства – книги магии некромантии, почему так и не стал верховным магом после смерти отца. Но подробностей, кажется, никто толком и не знал.

Просочиться бы мне мимо как-нибудь… Мне же надо в тронный зал, а осталось то чуть-чуть! Последний участок перед ним – а вон там коридор уже плавно переходит в огромное темное помещение. То самое, куда я обязана являться по вечерам, если планирую дожить до следующего утра. Прижавшись к шершавой холодной, совсем не прогреваемой стене, я раздраженно разглядывала некроманта. Скрэп, нервно дергая костлявыми руками со множеством перстней, пы-

тался что-то внушить равнодушно смотрящему на него пустыми глазами дорри. А я не могла понять, кто же из них мне нравится меньше. Большинство магов, особенно сильных магов, выглядят так, как они себя ощущают, и Скрэп, похоже, чувствовал себя неважно. Сморщенная тусклая серо-зеленая кожа, узкие водянистые злые глаза, почти бесцветные под яркими зеленовато-черными густыми бровями, крючковатый нос и красный балахон, скрывающий все, кроме лица и то и дело вздымаемых рук. Некроманты всегда носили балахоны – видимо, стремясь скрыть безвольно болтающиеся под ними ноги. Эти маги, едва не касаясь ногами пола, так и плыли обычно по воздуху по своим делам, о которых я ничего не знаю и, магия моя, знать не хочу! Борясь с подкатывающей к горлу тошнотой от мерно покачивающегося в воздухе мага, я судорожно вжалась в противоположную стену. Моя задача – держаться от некроманта подальше, чтобы выжить и достать своего настоящего врага. Так что, кое-как усмирив желание надавать Скрэпу по морде (там было за что), я прокралась мимо, пока он что-то вдалбливал серому послушнику.

Уф, миновала гада! Я с шумом выдохнула, отлепилась от стены и пошла дальше, равнодушно выбирая из своих волос обломки очередного гребешка. В последнее время у отца было плохое настроение, поэтому его лучше было лишний раз своей вспученной шевелюрой не злить. И так с тех пор, как я стала всерьез заниматься фехтованием, особенно моими лю-

бимыми двуручными мечами, его стали крайне раздражать мой перекачанный торс, налитые мышцами сильные руки – и я сама, в общем и целом. Впрочем, раздражать его я начала еще с рождения, как и Фламина… Нокх, да не похожа я на нее! И судьбы у нас другие, непохожие, вот!

Тронный зал сегодня опять выглядел мрачно, под стать настрою главы рода. Верхний свет потушен, все освещалось только огненными всполохами колодцев в стенах да установленными на полу на длинных витых ножках магическими свечами. Отделанное изнутри темно-коричневым мрамором, сейчас помещение выглядело темницей или ловушкой. Словно в тонущих в темноте углах пряталось нечто невидимое, желающее меня уничтожить. Нет, я не боюсь темноты. Бояться надо магов тени Айкроменов, а сама по себе темнота не страшна. Наверное.

Неловко поводя не защищенными броней мускулистыми плечами, я, постоянно оборачиваясь, словно Тень уже гналась за мной, быстрым шагом поднялась по огромному ступенчатому возвышению. Вот и вершина (я почти не задыхалась… ну почему пешком?!). Слева и справа – два столпа огня, меж ними – зловещий трон… Пустой. Как же?.. Где же?.. Я выпучила глаза и растерянно огляделась. Вокруг, на ведущих к трону ступеньках, где стояли вплавленные в камень или вставленные в витые канделябры тонкие свечи, толпилось множество второстепенных магинь и магнесс рода Оуэнн. От одной из них я узнала, что отец отбыл по неот-

ложным делам. Но чуть позднее должен вернуться, так что уходить нельзя. Я скользнула застывшим взглядом по Риду, и кулаки сжались сами собой. Успел вернуться раньше меня и безразлично сидел сейчас с совершенно прямой спиной на ступеньке у трона, не обращая на все вокруг никакого внимания. Его голова тоже сейчас казалась одним страшным факелом – так сильно над холодным красивым лицом с изящным прямым носом и узкими губами полыхали его короткие волосы-костер. Наследник рода, тень его побери. Темно-карие глаза смотрели куда-то в потолок. Конечно, никого из нас, ничтожных, для него не существовало. И людей, которых этот обратнутый сжег, – тоже. Люди для него ничто! Меч по нему плачет! Мои глаза полыхнули пламенем, но… не в тронном же зале, я ж не дорри. Вздохнула и принялась спускаться по ступенькам в самый низ, на свое место. Подслеповато щурилась от резкой перемены: с ярчайшего света в почти полную тьму, блики перед глазами… И тут я почти нос к носу столкнулась со Скрэпом! Голову мне оторвать, его же магия светит в магическом пространстве во всю мощь!

– Вот ты где! – прошамкал тот, неустойчиво покачиваясь в воздухе над самым полом, и схватил меня за запястье. – Ты поедешь со мной!

Ужас вихрем прожег внутренности. Некромантские обряды… Как отец мог разрешить такое?! Но просто так я не дамся! С рычанием я вырвала свою руку из его вялой хватки и отступила на два шага, встав в боевую стойку.

– Вы не можете забрать ее с собой без разрешения главы рода Оуэннов, – робко возразила одна из магинь с почти добрым лицом, но холодными потухшими глазами – словно углями, на которые плеснули слишком много воды.

Я ее раньше не видела. Новенькая из провинции? Не повезло бедняге.

– Сейчас его нет, а потом ему и не захочется ссориться с нашим благородным родом Скрк'нов из-за никчемной пятнистой недомагнессы, – самодовольно ответил Скрэп, доставая светящийся магический аркан и набрасывая его на меня. – А сейчас, я смотрю, никто из магов не против, чтобы я ее забрал.

Он выразительно посмотрел в сторону Рида, но тот продолжал неподвижно сидеть, глядя куда-то в сторону. Я для него не существовала. Как и все остальные. Пусть Скрэп хочет что угодно, я убью того обратнутого! Никакой некромант меня не остановит!

С этими мыслями я принялась трепыхаться в объятьях магической веревки, но та держала крепко. Дернулась, чтобы вырвать ее из хватки Скрэпа. Бесполезно… Нокх бы подрал этого дерьмового некроманта!

Вообще Нокхи были магами иллюзии, и, откровенно говоря, я была не очень в курсе, почему именно они должны были кого-то подрать. И почему их фамилией, как и многими другими фамилиями, вроде Шкарпи, вообще ругались. Просто звучало хорошо, и все так говорили. Нокх дери всех

некромантов, я не позволю забрать у меня из рук мою добычу! Рид – мой! Убью его! Эх. Похоже, с этой мыслью я и умру в лапах некромантов…

– Как единственный маг здесь, я берусь спасти от тебя эту девочку, – послышался откуда-то сбоку слабый старческий голос. – Я вызываю тебя!

Глава 3. Почти избранная

Скрэп резко развернулся, и я тоже вытаращилась в ту сторону. Перед нами стоял низкорослый крепко сбитый старик с белоснежными короткими волосами и добрым лицом. Весь такой разодетый в темно-зеленые пышные одежды со множеством бантиков и завитков и увешанный дорогими зачарованными украшениями. Пальцы его, казалось, вот-вот переломятся от толстых, тяжелых перстней. На лбу красовался поблескивающий металлом бежевый ирранового обруч со знаком Халецких, ромбом с двумя перекрещенными горизонтальными уголками на нем. Интересно, как чувствуешь себя с таким обручем на лбу? Да-да, интересуйся дальше. Ирран – самый дорогой металл в объединенных землях. Наверно, не просто так его верховные маги носят. Он не для таких, как я. Не для пятнистых и, тем более, магнесс. Вроде за всю историю магов во главе магического рода магнесса была всего однажды… Не считая рода магов любви, конечно. Но они не в счет.

Старика окружал тускнеющий, но все еще могущественный ореол бежево-розовой магии. Скрэп начал было усмехаться, глядя на низенького вояку, но улыбка быстро застыла у него на лице – он узнал говорящего. Это был дедушка Халецкий, отец моей матери. Он в последнее время – не знаю, может, месяц, может, год назад – вдруг вспомнил о моем су-

ществовании и даже немного беседовал со мной иногда. Так, в основном, о весьма отвлеченных понятиях вроде добра и зла, правильного и неправильного и обо всем таком прочем. Глава рода магов природы, природной жизни, он был очень стар – настолько стар, что это даже стало заметно внешне. Но Скрэп мог обскрипеться от злости: дедушка Халецкий был верховным магом, а значит, недосягаемым для любого старшего!

– А-а-а… Я… Извините, – пробормотал Скрэп, поспешно сматывая аркан. – Если вам нужна эта недомагическая тварь, берите ее.

Он бросил на пол стеклянный шарик и исчез в клубах вонючего фиолетового дыма. Я ухмыльнулась. Кому, интересно, нужны эти эффекты? Людей ведь в зале, вроде, нет. Меня передернуло от запоздалой мысли о том, как эти эффекты могли бы сказаться на мне, если бы не…

– Дедушка Халецкий! – с вполне искренней радостью подбежала я к старику, помогая сесть в появившееся рядом с ним резное кресло. – Как я рада вас видеть!

– Я тоже рад видеть тебя, дитя мое, – улыбнулся он, морщась от боли и устраиваясь поудобнее. – Но я пришел к вам с официальным визитом. Мило тут у вас… – он снова поморщился и раздраженно добавил. – Странно, что твоего отца еще нет, ведь мы договаривались встретиться здесь, в вашем замке, сегодня.

Я нахмурилась: в последнее время ему становилось все

сложнее передвигаться. Только срочное дело могло вытащить его из родового гнезда. Официальный визит? Так вот к чему тут все так готовились! Пытались сделать вид, будто у нас обычный замок. Да-да, кто поверит!

– На самом деле я пришел к тебе. Слушай меня внимательно, детка, – посерьезнел он. – Слушай и не перебивай, потому что у меня очень мало времени, а дело не терпит отлагательств.

Спохватившись, я опустилась на правое колено, склонив на мгновение голову в традиционном знаке приветствия главы рода. И краем глаза отметила, что все вокруг, включая даже Рида, с любопытством смотрят в нашу сторону. В глазах наследника рода полыхало пламя, и меня прожег озноб от его взгляда. Такими, наверно, являлись плохим людям обитатели мифического царства в старом человеческом веровании. Каким же он был высоченным отсюда, снизу!

– Ты знаешь, что из всех моих сыновей в живых остался только один. А дочери либо вышли замуж, как твоя мать, и вступили в другой род, либо ушли в монастыри магии, – начал сидящий в кресле глубокий старик Халецкий, перекрещивая кисти рук ладонями вниз, разрешая мне встать. Закашлялся, и я затаила дыхание в сочувствии. Все же он справился с собой и натужно продолжил. – Но мой последний сын погряз в плотских развлечениях и предал не только меня, но и саму природу магии нашего рода. Я знаю, что сегодня он умрет.

Вокруг зашумели, но дедушка Халецкий не обратил на это никакого внимания.

– Он умрет не по моей воле, а по воле провидения в объятиях очередной магнессы любви, а может, тени или лунного света, или, что хуже всего, – человеческой женщины. И род Халецких останется без наследников. А я стар, – он выдержал паузу, – и мой срок подходит к концу… Но я не могу оставить нашу книгу магии на произвол судьбы. Я знаю, что ты не представляешь для своего рода никакой ценности. Но твой характер представляет ценность для меня, потому что ты напоминаешь мне мою покойную жену. Твоя мать в свое время была почти точной ее копией… И ты выросла такая, каким должен был бы стать мой наследник. Хотя я знаю тебя совсем немного, но успел сильно привязаться к тебе, моя маленькая Мар'Гхор Ритд'Хас, – последние слова он произнес так странно, что я даже не поняла их смысла. Гулкие, сильные, словно живые звуки расходились в магическом пространстве и, разносясь от сердца вместе с кровью, дрожью отдались в ушах в физическом, складываясь в дрожащие, меняющиеся глухие слова. Дрожь физического тела передалась назад, и моя магия еще долго продолжала волноваться от странных звуков даже тогда, когда те уже давно рассыпались в магическом пространстве.

– И теперь хочу, чтобы хранительницей книги нашего рода стала ты, – обычным голосом завершил свою речь дедушка Халецкий.

От неожиданности я даже онемела. Я?! Хранительница книги? Нокх его дери, да это немыслимо!

– Я?! Но магини и магнессы не могут пользоваться книгами магии, – фыркнула я, невежливо почесав ухо.

Обратить твою магию, это что, очередная проверка?

– Нет, – старик печально покачал головой. – Но ты будешь хранить ее, пока не передашь после года брака своему законному мужу, а дети ваши с ним уже будут из рода Халецких. Да будет так.

Его тело изогнулось, неестественно выпрямилось, как у куклы. Я застыла с выпученными глазами: от него ко мне (мне!) двинулся маленький теплый огонек бежево-розового цвета. Он двигался, и двигались мои ноздри, шумно вдыхающие и выдыхающие воздух. Сердце замерло. Огонек исчез в груди, погрузился в сердце… Вспышка! Вихрь, буря, тайфун эмоций, странных, непривычных, ярких, затмил все вокруг так, что я перестала видеть. Только чувствовала светлую чистую радость – острую, живую, совершенно незнакомую, словно существующую отдельно от меня. Все тонуло в ярком, но быстро тускнеющем бежево-розовом магическим ореоле. Все ссадины, царапины, порезы, укусы, застарелые шрамы, проткнутый когда-то раскаленным прутом правый бок и прочие раны зажили в одно биение сердца.

Когда я открыла глаза, дедушка Халецкий был уже мертв.

Я была так ошарашена его гибелью, что вся суета, поднявшаяся после этого, прошла будто в тумане мимо моего со-

знания. Словно это была я и не я одновременно. Очнулась у себя в комнате лишь тогда, когда серый послушник с каменным лицом передал, что нужно идти к отцу.

Тронный зал выглядел так же, только теперь в нем никого из магинь и магнесс не было. Боясь не вовремя запутаться в неудобном шлейфе, я подошла к трону и осторожно опустилась перед ним на правое колено, склонив голову и спустя мгновение подняв ее по разрешению отца. Да, характер у меня был огненный, но и у него – тоже. Перед ним лучше было не выоборачиваться. Лицо отца от всполохов огненных столпов слева и справа казалось какой-то уродливой маской под тлеющими, как угли, багрово-черными короткими волосами. Но даже при обычном освещении его черты были грубее и жестче, чем у сына. Хуже всего были мерцающие, находящиеся в постоянном движении темно-карие круглые глаза. Так легко они вспыхивали безудержной яростью, которой опасались не только все в наших землях, но и многие вне них. Коренастый, но бесконечно властный с головы до пят, он мог просто нахмуриться для того, чтобы у стоящего перед ним все свело внутри. Как правило – от того, что внутри все уже было сожжено дотла. В отличие от дедушки Халецкого, одетого чересчур вычурно, на отце была только простая черная рубашка из дорогого амерунного полотна со шнуровкой у ворота и такие же простые брюки. А из украшений только тускло поблескивал на лбу багрово-золотистый иррановый обруч с выбитым треугольником. Магических амулетов отец

не носил, считал это ниже своего достоинства.

– Я слышал, дочь моя, ты удостоилась великой чести быть временной хранительницей книги магии рода Халецких, – медленно начал он, раздувая широкие ноздри. – Это хорошо. Надеюсь, ты понимаешь, что она не должна покинуть пределы нашего рода.

Чего-чего? Я непонимающе вскинула голову. Магнесса, вступая в брак, переходит в род мужа. Что отец, твою магию, задумал?

– Да… – протянул он. – Не должна. Но я уважаю волю моего покойного друга и не буду ее нарушать. Ты выйдешь замуж за Рида и через год отдашь ему книгу Халецких. Разумеется, детей у вас не будет, не хочу рисковать нашей силой. Об этом позаботится маг из рода Рундов, который скоро будет здесь. Ты же спустя год заявишь, что хочешь уйти в монастырь магии, а значит, освободишь моего сына от всех брачных обязательств. И дети Рида с его новой супругой будут Оуэннами, владеющими двумя книгами магии. Это даст Огненным небывалую силу и позволит править всеми остальными родами! Ступай, дочь Оуэнна, приготовься к встрече с магом из Рундов.

Я все еще стояла на одном колене и оцепенела от его слов.

– Иди! – глаза Бахраманда полыхнули пламенем.

Он даже привстал с трона в мгновенно вспыхнувшей ярости. Кровь вскипела в моих жилах, лицо свело судорогой, так что я склонила голову и медленно двинулась к себе. В голо-

ве билась одна мысль. Нет. Нет! Нет!!! Этого всего не может быть! Не со мной!.. Не со мной… Уже уходя, я заметила Рида, тенью стоящего по правую руку от отца. Сейчас он с интересом разглядывал меня, похоже, прикидывая… Что? Я могла застать его лишь врасплох, он же мог все. Огненные считаются самыми страшными магами, если не считать магов тени. Нет, всего этого просто не может быть! Это неправда, я не хочу!

В своей комнате, каменной клети с узкой бойницей окна под самым потолком, я перестала скулить и начала быстро собираться. Бежать отсюда, скорее! Книга магии Халецких в груди тревожно трепетала, она боялась встречи с книгой Огненных, и ее ужас передавался мне. Что будет, если Оуэнны завладеют двумя книгам магии?! Лицо дернулось от одной мысли о том, что тогда ждет объединенные земли. С отвращением я сменила жутковатое платье на еще не сданный мной по счастливой случайности в общую гардеробную кожаный доспех. Яростно дергала непослушные ремни и застежки. Достала из-под подушки кинжал и аккуратно вложила в сапог. Нужен запас еды, но идти за ней в подвал, на кухни, нет времени…

За спиной колыхнулся воздух от беззвучно открывающейся не имеющей запоров двери. Я обернулась и замерла. Дверь, та дверь, которую мне с таким трудом в свое время удалось заслужить, впустила внутрь его. Рид! Рид Оуэнн!

Оторопь! Нервно сглотнула. Но я же не только скулю. Все-

таки попыталась закрыть собой сумку. Что будет, если он скажет отцу, что я хотела бежать?

– Шогни. Тебя ведь так зовут? Присядь-ка. Торопиться некуда, – ледяным тоном сказал Рид, подойдя к каменному стулу и сев на него, даже не согнув при этом идеально прямой спины.

Я аккуратно села на каменную кровать, закрывая собой сумку. Больше в этом крохотном помещении, похожем на пещеру, сидеть было негде. От страха у меня мелко-мелко задрожал подбородок. К мгновенно взмокшей спине прилипла тяжелая, дурно пахнущая кожа костюма. Стало душно, сильно запахло дымом, и я судорожно сжала рукой холщовое покрывало. Я не труслива. Когда я сражалась с магическими тварями без охранного заклятия, мне не было страшно… настолько страшно. Но страх перед старшими Огненными передается по наследству. Он врожденный и неизменный, как сама магия. А если кто-то вдруг хотя бы вздумает попробовать бороться со своим страхом, то этот кто-то умирает быстрее, чем у Огненных глаза пламенем вспыхивают. К тому же твари убивают быстро, а вот, по слухам, если мой брат захочет испортить кому-то жизнь… то сам глава магов тени придет перенимать опыт. Страх. Не жажда мести, а страх переполнял сейчас мое существо.

Рид был одет так же, как и отец. Только без ирранового обруча на лбу, и на указательном пальце был явно зачарованный перстень с прямоугольным черным камнем. От него

волнами исходил ореол ослепительной белой магии. Силен, зараза, непомерно силен! И чем-то еще его магия с ума сводила, чем?! У меня аж перед глазами плыло. Я тихо зарычала и стиснула руками края кровати. Сквозь смесь эмоций начала проникать другая навязчивая мысль. Мой старший брат. Убийца. Враг. Внутри меня снова стало пусто и неподвижно, как тогда, когда я стояла там, среди пепла и человеческих останков. Пусто, будто и из меня вынули жизнь вместе с Руном, вместе со всеми моими людьми.

Не хочу об этом вспоминать! И не хочу вспоминать еще одно… Но перед глазами уже пронесся вид вздымающегося в небо страшного огненного гриба, который, повинуясь воле отца, вырос на том месте, где нашли мертвой мать. Огненные не хоронят своих мертвых, мы рождаемся в пламени и возвращаемся туда же после смерти, оставаясь живыми, лишь пока в наших сердцах живет огонь. Тогда, на той бесплодной равнине, где ее нашли за много амерунов от центрального родового замка, собрался весь род Огненных. Я тогда еще не понимала, что происходит. Рид и Фламина нашли маму якобы совершенно случайно, и причина ее смерти официально так и не была выяснена. «Случайно»! Бред психованного дорри! Кто в это верил, кроме наивных идиотов?

Ай!

Что-то больно укололо меня в висок.

– Это небольшое украшение от магов разума, – холодно произнес Рид, опершись локтем на каменную стену рядом,

ухитрившись при этом оставаться прямым, как доска. – Теперь внутри твоей головы магический чип, их изобретение. Внутри меня такой же. Так что наши разумы связаны, пока хватит борговой магии в чипах, а хватит ее до конца твоих, но не моих, конечно, дней. Отныне я смогу читать твои мысли. Это поможет нам… поладить.

В ярости я оскалила зубы. Поладить?! С ним?! С убийцей?! В памяти опять встали покрывавший землю пепел и лежащие на ней головешки, оставшиеся от людей…

– Думай потише, – поморщился Рид, почесав висок и высокомерно взглянув на меня так, словно я была тараканом, засевшим у него в сапоге, – а то от твоих мыслей голова побаливает. Кстати, ты не можешь не признать, что после этого нигде в наших землях ни разу не вспыхнуло восстание. Пойми, простые люди понимают только такой метод воздействия. Они выступили против Огненных, и я просто привел более веские аргументы. В любом случае, этим людям еще очень повезло, что их деревня находилась рядом с башней тех безмозглых восставших рыб, которые подумали, что люди в принципе способны хоть что-то сделать против магов огня.

«Безмозглые рыбы» – как по-огненному, а?

– Не рядом. На расстоянии дорта пешего пути, – рыкнула я, сверкнув глазами.

Этот высокомерный хлыщ, убийца, еще смеет что-то мне говорить!

– Как грубо, – сказал Рид таким ледяным тоном, что меня пробрала дрожь. – Что ж, если тебе от этого легче, то мне тоже жаль, что пропало столько трудоспособного населения. Но на самом деле этим твоим людям очень повезло, что у Бахраманда, да правит он вечно, в то время было слишком много забот с еще одной бестолковой дочерью, Фламиной. И они были решены позже, чем горстка глупой человеческой плоти заперлась с дешевым магическим амулетом в заброшенной башне. Иначе, узнав, обязательно узнав о том, что ты, дочь Оуэнна, посмела общаться с людьми, и, более того, те успели научить тебя своей человеческой философии, глава Огненных бы…

Рид не договорил, но, тень побери, договаривать было не нужно. Бахраманд, да правит он вечно, вряд ли бы ограничился просто сожжением! А ведь они – люди, они – не маги, способные выносить… многое. Что было бы с ними, реши отец наказать их за дружбу со мной! Магия моя, что же я натворила!

– Не переживай. Как и ты, все младшие маги глупы, ограничены и непоследовательны, – с застывшим лицом ответил Рид, принявшись задумчиво разглядывать потолок. – Хотя люди еще хуже. Сначала они с возмущением и пеной у рта требуют от магов навести в городах порядок, а потом поднимают восстание против них же самих – тех, кто этот самый порядок навел.

– Порядок – это как у нас в замке? – я сузила глаза от

охватившей меня ярости. – Другие маги как-то справляются и без таких «воздействий»! Думаю, справляются. Дедушка Халецкий говорил, что я… думаю правильно.

– Магический род Халецких, который думал так правильно, – медленно выговаривая каждое слово, процедил Рид с застывшим лицом, и его спина при этом стала еще более прямой, чем была до того, – уже вымер. Теперь окончательно, даже несмотря на затянувшуюся смену их ведущей амеруны. Амеруна, если ты, прогульщица, не знаешь, – это магический символ, входящий в имена и фамилии и определяющий оттенок магии. Знаешь, а мне бы хотелось посмотреть, что бы ты сказала, поглядев на «правильные» порядки магов природы, почувствовав на себе, как и почему незадолго до того, как я вошел в эту дверь, умер наследник их рода.

– Дедушка Халецкий сказал, что он предал саму природу магии их рода! – оскалила я клыки, даже подавшись вперед от вспыхнувшей и тут же погасшей ярости. – Тень побери…

– Хватит ругаться, как эринт. Ты не магнесса земли, в конце концов, – брезгливо поморщился Рид, поднеся руку ко лбу. – И перестань показывать клыки. Хорошо обученные вести себя в обществе старшие маги огня никогда себе такого не позволяют, у них во рту всегда должны быть просто зубы. И поскольку тебе предстоит прожить среди нас целый год нашего брака, то придется тебя от этих вульгарных манер отучать так, чтоб ты надолго запомнила. Как только ты этих своих людей не пугала до полусмерти одним своим видом…

Вздрогнув, я попыталась сжать несуществующую рукоять меча, но руки не двигались – их свело судорогой. Отучать меня…

– Они и пугались поначалу, – вздохнула я. – Но потом перестали.

– А зря, – Рид снова повернул ко мне голову, глядя прямо в глаза, и от его слепящей магии звездами вспорхнули белые магические огоньки, – потому что, не окажись их деревня рядом с заброшенной башней, где засели восставшие, людей постигла бы такая участь, которую они своими ограниченными умами и представить не могли. Бахраманд, да правит он вечно, очень переживал, когда узнал, что они уже мертвы. Но мне нравится твое отношение.

– Что? – не поняла я.

– С рождения мне, благодаря силе моей магии, досталась способность очаровывать людей и магов – за исключением, разумеется, самых сильных – просто так. Просто тем, что я нахожусь поблизости. С рождения эта особенность была для меня так же естественна, как дыхание. Это полезно в делах, но уж очень надоедает, – он склонил голову, продолжая смотреть мне прямо в глаза. – А ты не поддаешься. Это интересно.

В ответ я просто смотрела в его глаза. Эти слова ничего не затронули в моей душе. Да, я отнюдь не очарована будущей свадьбой и последующим принудительным уходом в монастырь магии (а скорее – гибелью). Странно, да, что ты мне

не нравишься, убийца? Что бы ты там ни говорил про методы, все равно: ты – убийца, на твоих руках кровь стольких людей! Ну, не совсем кровь…

Рид поморщился и опять приложил руку ко лбу.

– Тебе так нравятся люди? – уточнил он.

– Я выросла среди людей, – хмуро ответила я.

– Ты выросла среди Огненных, – вскинув голову, холодно поправил меня Рид. – И это еще одно, что придется осознать в полной мере.

Он не двинулся, но у меня было такое ощущение, словно он меня ударил. Взорванные пламенем части тела и обрывки обгорелой кожи пронеслись перед моими глазами.

И тут Рид рассмеялся. Не зло, презрительно, хриплыми, каркающими смешками, как тот же Скрэп. А рассмеялся по-хорошему, искренне, как смеется человек с чистой душой и светлыми помыслами. По крайней мере, так мне, дорри-недомагнессе, думалось до сих пор. Я с удивлением и ужасом посмотрела на него. Старший Огненный, чудовище, сидящее у трона одного из самых страшных замков всех объединенных магических земель… просто не мог так смеяться. Мне всегда так говорили те люди, среди которых я выросла… И во всех книжках так было написано. Конечно, я потом перестала их читать…

– У тебя слишком богатое воображение, – отсмеявшись, сказал Рид и лениво провел пальцами по подлокотнику резного кресла, в которое превратился каменный стул (фу,

неприлично – чужая, не огненная магия!). – Впрочем, если хочешь, это тоже легко устроить. Времени – целый год…

Рид, не сгибая спины, двинулся в кресле, устраиваясь поудобнее. А я только жадно хватала ртом воздух и сжимала и разжимала кулаки, не зная, что сказать. Я, вообще, того… не очень в словесных баталиях. И еще… что-то изменилось. Книга магии в моем сердце это чувствовала. Но что? Где? В ком?

– Кстати, драгоценная будущая супруга, – сказал Рид, посмотрев на меня в упор, – пока не прибыл маг из Рундов, советую переодеться и отправить свои кожаные доспехи в общую гардеробную, чтобы отец ни о чем не узнал.

Переодеться? Да ни за что! Он же тогда может увидеть кинжал в сапоге. Этим кинжалом можно было попробовать его убить, раз уж нам доведется жить бок о бок.

– Можешь оставить его себе, – хмыкнул старший брат. – Эта игрушка в твоих руках для меня не опасна. А впрочем… дай-ка мне его.

И он выразительно поманил меня рукой. Я медленно достала кинжал из сапога. В висках застучало. Вот он – момент, которого я так ждала! Держа кинжал в правой руке, я подошла к Риду так, чтобы рука оказалась там, где должно располагаться его сердце. Если у такого чудовища оно, конечно, есть. Сердце – слабое место всех магов, и если мне удастся… Рид расслабленно сидел в кресле и, полуприкрыв глаза, смотрел на меня.

Сейчас!

Резко двинув рукой, я направила кинжал прямо в цель!

Он перехватил мою руку, когда лезвие находилось буквально на волоске от его грудной клетки. Мою руку словно зажали железные тиски. Больно, нокх! Обратить его магию через пятый проход! Я была близка! Почти! Почти получилось!

– Я же говорил – в твоих руках эта игрушка для меня не опасна, – усмехнулся Рид. Он все еще сдавливал одной рукой, как тисками, мое запястье, а второй аккуратно принялся вынимать кинжал. – Но если тебе так хочется меня наказать – изволь.

Взяв кинжал в правую руку, он отпустил меня. Я злобно принялась растирать онемевшую кисть. Жестом фокусника Рид положил левую руку прямо на стол и резким движением пронзил ее кинжалом по самую рукоятку. Обратить твою, у меня глаза вылезли из орбит! Но Рид только снисходительно улыбался. Улыбался, а его левая рука лежала в густой темно-красной крови, пронзенная насквозь и пришпиленная к каменному столу. Чего он дальше-то будет делать? Выдернуть лезвие теперь будет не просто. И воткнуть-то его в ноздреватый, но очень твердый местный камень как сумел?

– Так я забавлялся, когда был маленьким, – сказал он, и его ровный тон совершенно не изменился.

Потом он резким движением выдернул окровавленный кинжал и швырнул его на кровать рядом со мной. Я вздрог-

нула от обрызгавшей меня горячей крови. Рид нашарил на груди какой-то амулет, зажал его в целой руке и направил на рану. Та принялась медленно затягиваться. Я хмуро посмотрела на Рида: так вот как развлекаются настоящие маги, когда их никто не видит. Но, надо признать, он хотя бы не Скрэп, который визжит, словно поросенок, если ему только чуть-чуть сильнее сжать руку…

Тут Рид расхохотался, повернувшись в кресле боком ко мне, вытянув ноги вверх, положив их на стену.

– Ну ты даешь, – сквозь смех еле выговорил тот. – До такого даже я бы не додумался. Надо же! С силой сжать руку некроманту, да еще какому! Второму в роде Скрк'нов – тех, которые издревле ненавидят всяческие прикосновения! А я еще голову ломал, зачем это ты ему вдруг понадобилась!

И он опять захохотал, вынуждая меня нервно морщиться. Ага, я тут по совместительству еще и шутом работаю…

– Он полез куда не положено, – буркнула я, почесав рукой нос.

Борг с ним, с тухлым некромантом, но этого я не понимаю! Совсем не понимаю. То есть абсолютно и бесповоротно. Наследник рода Огненных, грязный убийца, высокомерный сноб, возомнившей себя пупом объединенных магических земель, – и смеется! И как смеется! В книжках писали, так не бывает…

Больше книжек читай!

– А знаешь, ты сейчас натолкнула меня на интересную

мысль… – начал Рид, взъерошив себе волосы.

Я молча наблюдала, как они, словно живое пламя, ложатся обратно. Что-то я запуталась. Сам Рид ничего больше не произнес.

Прошло несколько биений сердца, и в моих глазах зажегся огонь. Еще один шанс? Почему нет? Рид рядом, задумался, на меня не смотрит, беспечно оставив окровавленный кинжал рядом со мной. Кинжал уже напился его крови, но не насытился. Один бросок – и все будет кончено! Чуть не заурчав от предвкушения, с бешено колотящимся сердцем я метнула кинжал, метя убийце в самое сердце! Ну же!

Рид без видимых усилий перехватил кинжал прямо за ручку. На его задумчивом лице ничего не изменилось.

– Ты все еще меня ненавидишь, – бесстрастно констатировал мой брат, подняв на меня равнодушные глаза. – А ведь я только что на пальцах тебе объяснил, что если бы не я, то твоих людей постигла бы участь пострашнее смерти. Гораздо страшнее. Ох уж эти мне младшие маги.

И он выразительно покрутил пальцем у виска.

– Так что, по-твоему, мне благодарить тебя за их смерть? – буркнула я.

– Для начала было бы неплохо, – невозмутимо кивнул Рид. – Что бы теперь с тобой сделать за попытки моего убийства?

Эээ… Убить? Изнасиловать? Сжечь? Расчленить? Пытать в огненных темницах? Я нервно сглотнула. Хоть и говорили,

что в нем маги рождения постарались максимально снизить отцовскую вспыльчивость, но мало ли что…

Комната вспыхнула от пламени, стремящегося уничтожить, изувечить, испепелить – причем сейчас, скорей, пока живая плоть так боится! Пламя опалило волосы, рванулось к телу… Но огонь погас почти сразу же, обдав волной душного жара напоследок. Без выгоревшего воздуха стало трудно дышать. Я по привычке задрала голову, стремясь к тут же ворвавшемуся сквозь узкое окно под самым потолком ветерку.

– Не смей даже думать о Рундах в моем присутствии, – зло, но почти уже спокойно произнес Рид, снова опускаясь в кресло, и пламя в его глазах тоже начало гаснуть. – Пожалуйста.

Последнее слово он произнес таким тоном, что лучше бы он еще пару раз поджег тут весь воздух вместе со мной.

– Ты зря так тяжело это воспринимаешь, – равнодушным тоном отозвался окончательно овладевший собой Рид. – Вот попробуй хотя бы попытаться подумать, как старшие маги, среди которых тебе предстоит побыть один год. Скрэп полез к тебе под платье, а ты сделала ему очень, очень больно. Хотя могла просто сказать что-нибудь покрепче – я смотрю, тебя твои люди неплохо ругаться научили. Хотя, надеюсь, книга магии хоть немного это исправит. Ну да ладно. Так вот. Ты сжала его руку, ты хотела, чтобы ему было больно физически, ведь так?

Я молчала, шумно вдыхая свежий воздух из окна-бойни-

цы сквозь раздувающиеся ноздри. А что я могла на это сказать? Ну, так и было.

– Значит, ты хотела, чтобы ему было физически так же больно, как больно морально было тебе от того, что он хотел сделать, так? – сказал Рид и, не дожидаясь ответа, тут же продолжил. – Теперь давай вспомним ту сцену, которая так не дает тебе покоя. Допустим, что там восставшие сделали морально больно мне, осквернив честное имя моего отца и моего – и твоего, кстати, тоже – магического рода, а в ответ я сделал больно им, тоже физически. И, как ты, перестаравшись, сжала руку Скрэпу слишком сильно, до поросячьего визга, так и я, если так можно сказать, недооценив свою силу, перепалил местность вокруг. Вот видишь: ты – такая же, как я. Просто ты слаба, и разрушения, производимые тобой, менее заметны и очевидны. Ты рождена Огненной, а не человеческой женщиной, не забывай об этом.

Я сморщилась. Что за айкроменова логика у него? Тень побери, не нравится она мне, но что в ответ-то сказать? Я потрясла головой, словно пытаясь вытрясти оттуда подходящие слова. Но на пол легли только несколько светло-рыжих волос и один белый обломок гребешка. Тень побери, я ж вроде все их выбрала!

Рид улыбнулся и вырастил из обломка почти прозрачную белую розу. Всю белую, со стеблем, бутоном, листьями и шипами, которую, встав с кресла и опустившись передо мной на колени, протянул мне. Я нервно сглотнула. Какая же мощ-

ная у него магия! И эти огоньки в ней. Они сводят с ума – я стала думать о нем что-то не то!.. Перед глазами уже плыло. В голове тонко звенело, и я ощутила в ней странную тяжесть. Словно на ней кто-то сидел, обхватив ее всеми лапками. Провела рукой по волосам – нет никого. Мне на мгновение показалось, будто я смотрю на мир сквозь маленькое круглое отверстие из темной пещеры – и что у меня нет тела…

Брат приподнял цветок. А я инстинктивно вжалась в жесткую поверхность кровати, стараясь отодвинуться от розы как можно дальше. Что этот ненормальный цветок должен будет со мной сделать, если я его возьму? Вспыхнет сразу? Или сначала прожжет мне руку шипами насквозь и…

Рид аккуратно положил цветок на кровать рядом со мной и, вздохнув, потер указательным пальцем лоб. Весь его вид выражал собой полное смирение с судьбой – с необходимостью общаться с недоразвитыми и уборгими. Со мной.

– Ты не изволишь даже попытаться понять то, что происходит? – холодно произнес Рид. – Все эти действия, о которых ты подумала, – бессмысленное занятие. Неужели не понятно? Ты сильно не переживай, но ты что-то не производишь впечатление сильного и… м-м-м… слишком умного противника, которого надо угрозами склонить на свою сторону. Я старше тебя далеко не на одно столетие, и… как бы это сказать… – он делал долгие паузы между словами, словно тщательно подбирал каждое, – в моем распоряжении бы-

ло такое число обычных людей, послушников и даже младших магов, что ты не можешь себе вообразить. Но все это… даже не знаю, какое бы подобрать слово… пожалуй, скучно. Понимаешь?

– Скучно? – мой мозг, казалось, плавился от такой близости сильного источника магии, и я уже плохо соображала, что несу.

– Еще как, – усмехнулся тот, согнув руку в локте, после чего оперся ею на воздух и положил на нее голову. – Неужели ты думаешь, что мне, например, до сих пор действительно нужны все эти занятия примитивными боевыми человеческими искусствами? Все, что мне от них нужно – наблюдение. Это интересно.

Другая рука опиралась на поверхность кровати в опасной близости от моей ноги, которая была мне дорога как память о не омраченном потерей одной из конечностей детстве.

– Что в этом интересного? – подняла я брови и сердито попыталась отодвинуть старшего Огненного подальше от себя.

С тем же успехом я могла бы попытаться отодвинуть стену.

– Не что, а кто, – тот с равнодушным любопытством наблюдал за моими бесплодными попытками сдвинуть его с места. – Вот ты, например, очень любопытный экземпляр для наблюдения. Скажи, ты действительно веришь в то, что ты – не такая, как я? Ты – та, которая сегодня убивала со

всеми нами животных и людей ни за что.

– Это же магические твари, иллюзии, созданные магами специально для тренировки… – опешила я, чуть не теряя сознание от перенапряжения магии. – Они же не живые по-настоящему.

Да, там были всякие такие жуткие существа, похожие и непохожие на настоящих. И еще были темные фехтовальщики, которые выглядели, как люди, только с застывшими лицами… Магия Поднебесная, как же это так…

– Но нам же говорили, что они все – просто иллюзии, – произнесла я ослабшим голосом.

– А с чего ты это взяла? Обычные люди, твои любимые, появляются у папы с мамой, а магические – у магов иллюзии под воздействием заклинаний, и что? Они выглядят, как живые, и ведут себя так же. Они теплые на ощупь и живут какой-то своей, непостижимой для нас жизнью. Но ты что-то не вступаешь с ними в переговоры, а молча протыкаешь их мечом или шпагой. Или чем придется.

– Это только иллюзия жизни, – выдвинула я последний аргумент. – Но не жизнь.

– Как ты можешь быть в этом уверена? – склонил голову набок Рид, задрав при этом подбородок. – Проверяла сама? Как?

Я разозлилась. Никак! Мне только не хватало пытаться начать думать, как этот убийца! Разозлившись, я снова начала пытаться отпихнуть Рида от себя. Ну его ко всем ай-

кроменам – его и его извращенную логику! Но с каждой попыткой даже поднять руку становилось все тяжелее. Голову уже почти заполнил магический белый туман с огоньками. Я ощущала счастье. Откуда? С чего? Что со мной?..

– Все это неправильно, – еле слышно прошептала я, откинувшись на спинку кровати. – Так не должно быть…

– Откуда ты знаешь, как должно быть? – раздался сквозь пелену равнодушный голос.

Я захлебнулась его магией.

Глава 4. Что бывает, если сдаться без боя

– Очнитесь! Именем первого Рунда очнитесь! – зазвучал над моей головой резкий властный голос.

Я зашевелилась, неохотно выходя из самого замечательного состояния, которое я когда-либо ощущала, – мне не было страшно. Противный голос! Заткнись!

Не проходит. Глаза все же пришлось открыть. Я лежала в своей постели в одной холщовой рубашке. Рядом сидел одетый в бежевую мантию пожилой Рунд со следами страшных ожогов на лице. Один его глаз превратился в спеченный комок мертвой плоти, но другой ясно и требовательно смотрел на меня. О магх! Как же изуродована его магия! Даже цвет не определить! Вот бедняга.

Тень побери, каменная фигурка волчицы – подарок, который я так оберегала, – исчезла без следа! Кто ее забрал? Рид? Рунд?

– Кто вы? – спросила я.

Каким же слабым и дрожащим был мой голос! Я попыталась встать, голова закружилась, и я просто упала на постель.

– Я – тот маг из рода Рундов, которого вы ждали, – произнес он.

– Так вы?.. – сердце замерло. Мне снова стало казаться,

что я – крохотное существо. Сижу в огромной темной пещере и сжимаю само себя от страха лапками. – Вы должны будете?..

– Нет, – покачал головой тот. – Не должен буду. Боюсь, что уже сделал.

Твою магию!

– Вам нужно бежать, и чем скорее – тем лучше, – быстро-быстро заговорил Рунд. – Книга Халецких в сочетании с книгой Оуэннов, но в руках вашего рода… Поверьте: за то, чтобы этого не произошло, не жаль отдать и жизни.

Еще бы ему было не жаль. Жизнь-то моя. Я еще и буду виновата потом, когда Оуэнны захапают обе книги магии! Ну почему, почему дедушка Халецкий выбрал именно меня? Ведь у него было полно других внучек, вполне себе не Огненных…

К тому же я убегу, а Рид-то останется здесь вместе со всеми моими планами мести. Лучше остаться. За год нашего брака я найду способ убить его, не могу не найти. А что при этом будет со мной – какая разница?

– Почему вы медлите? Вам нужно бежать сейчас же, – выдохнул Рунд.

– У меня тут еще остались… личные дела, – хмыкнула я.

– Неужели вы не понимаете, что ваши личные дела не идут ни в какое… Наверно, я кажусь вам сумасшедшим, – прошептал он, отпрянув. – Вы не доверяете, вы сомневаетесь во мне! Да, да, действительно, с чего же… Но взгляните на ме-

ня. Вы знаете, что эти отметины на моих телах оставил мне ваш отец, когда по моей вине родилась ваша старшая сестра Фламина? Магия рождения не всегда так предсказуема, и нельзя каждый раз быть уверенным, что родится именно такой ребенок, которого бы хотелось заполучить. Поверьте, пожалуйста, поверьте: у меня и моего рода есть серьезные причины ненавидеть Огненных. И мы понимаем, как важно не допустить, чтобы вторая книга магии попала им в руки. Умоляю вас, вы должны мне поверить и оставить личные дела! Сейчас важно…

Мутный белый туман… Вспышка. Рунд застыл, остановив остекленевший взгляд на Риде, который, войдя, словно заполнил собой всю комнату.

Я тоже уставилась на него во все глаза. Он был какой-то не такой… Он был такой… такой красивый. Да он и раньше таким был, но для меня это был просто факт. А сейчас… Я смотрела на него – и оторваться не могла. Архимаг великий, что со мной?.. Меня поглотило такое странное, болезненное, дрожащее чувство всепоглощающей любви. Магия? Да… Как мощна его магия! Она обещала, клялась, кричала: «Не надо думать! Не надо бороться! Не надо больше страдать, бояться, дышать страхом ни один миг!». Уверяла: «Вершина блаженства – здесь, сейчас, а весь остальной мир бессмысленен и ничтожен. И все, что было раньше, – всего лишь безумное, бесконечное, безнадежное одиночество…»

В первый раз в своей жизни я сдалась без боя.

Он просто смотрел на меня, я смотрела на него. А потом Рид вдруг направил руки на Рунда, и того опалило огнем. Слегка, нас так в замке палят через раз. Но несчастный взвыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.